

ИВАН ОВСЯННИКОВ

КОГДА ЗАГОВОРИТ

ОКЕАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Овсянников
Когда заговорит океан

«Автор»

2026

Овсянников И.

Когда заговорит океан / И. Овсянников — «Автор», 2026

Ночью рыболовный траулер поднимает со дна Атлантики древний артефакт со странными символами. А уже вечером он становится причиной убийства известного коллекционера на закрытом аукционе. Американец Александр Грейсон оказывается единственным свидетелем. Его телефон изъят, паспорт заблокирован, а элитный убойный отдел испанской полиции начинает расследование. Единственный способ выйти из-под удара — объединиться с загадочной девушкой, представившейся просто: «Елена». Елена быстро замечает, что иностранец в дорогом костюме слишком хладнокровен перед лицом опасности. Алекс же быстро понимает, что за образом увлечённого археолога скрывается гораздо больше, чем она готова рассказать. Тайный вынос улики под носом у полиции, ночные погружения в штормовой океан и погоня через Лиссабон к затерянным островам. Когда привычные правила перестают работать, героям придётся выложить на стол последние карты. Потому что там, куда ведёт геохимический почерк древнего камня, цена ошибки слишком высока.

© Овсянников И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	42
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Иван Овсянников

Когда заговорит океан

Пролог

«Ну вот. А я ведь говорил, что самые интересные открытия редко оказываются тем, что ты искал с самого начала».

<i>Дон Алехандро де Варгас</i>

Кабинет дона Алехандро де Варгаса был полон неподвижного полумрака, густого запаха старых книг, кожаных переплётów и едкого табака. В тусклом свете настольной лампы и косых лучах закатного солнца, пробивавшихся сквозь тяжёлые шторы, медленно кружилась бумажная пыль.

Дон Алехандро не замечал хаоса, царившего вокруг. Для постороннего глаза горы рукописей и россыпи пожелтевших карт на полу могли показаться мусором, но для него они были священной географией. Дорожной картой к тайне, ускользавшей от человечества последние три тысячи лет. Его сухие пальцы мелко дрожали, перелистывая страницы старых книг. Тишину нарушал лишь шелест бумаги да приглушенный ропот голосов, доносившихся снизу из гостиной, где с минуты на минуту должен был начаться аукцион.

Очередной фолиант, обтянутый потрескавшейся кожей, раскрылся с неохотным стоном.

Варгас замер. Его дыхание — свистящее и прерывистое — на мгновение остановилось. От волнения на лбу выступили капли пота, а во рту стало сухо.

На развороте застыла гравюра.

Тончайшие чёрные линии сплетались в изображение диковинного предмета — идеальный круг с несимметричными отверстиями. Его край был испещрён странными, непривычными символами. Они походили на древний алфавит, запечатленный в сложном начертании: ромбы, линии и круги огибали пустоты, складываясь в пугающее послание.

— Невозможно... — он рухнул в кресло, извлёк из ящика сигару.

Зажигалка вспыхнула не сразу.

— Станции... Они не миф... — прохрипел он, и собственный голос показался ему шелестом пожухлой травы.

Из коридора потянуло сквозняком, принёсшим запах соли. Старик поёжился, но взгляда не отвёл. Резким движением он выдвинул ящик тяжёлого дубового стола. Скрежет дерева о дерево прозвучал в тишине неожиданно громко. Дрожащей рукой он вытащил на свет тяжёлый предмет, положил его прямо на страницу.

Это был бронзовый диск.

Изуродованный веками, он был закован в броню из зелёной патины, морской соли и окаменевших кораллов, которые впились в металл. Дон Алехандро осторожно повернул диск, сравнил его с иллюстрацией и...

Отверстия совпали.

В этот момент мир за пределами круга света, падающего от лампы, перестал существовать. Не стало ни особняка, ни самого дона Алехандро — остался лишь этот артефакт. Собственная кровь шумела в ушах, как далёкий прибой, заглушая всё вокруг, пока этот шум не прорезал...

Скрип.

Короткий. Отчётливый.

Звук прогибающейся половицы прямо за распахнутой дверью кабинета. Тот самый звук, который издаёт старое дерево под осторожным весом человека, пытающегося быть незаметным.

Варгас медленно поднял голову.

— Луиса? Это ты? — прохрипел сухим голосом старик.

Ответа не последовало.

Он схватил диск. Солёный край и острый коралл впились в ладонь.

И тогда он понял.

Это была не Луиса.

* * *

Крики чаек и шелест прибоя наполняли утро. Небо над Атлантикой уже очистилось после ночного тумана, и первые лучи солнца, поднимающегося над равнинами Андалусии, скользили по воде у берега. По шоссе неподалёку с шумом проносились грузовики, развозившие ночной улов из порта Кадиса, пахнувшего рыбой, солёным прибоем и йодом.

Дон Алехандро не признавал утра без ритуала: чашки чёрного кофе и терпкой сигары. Особенно сейчас, когда в прохладном морском ветре уже угадывалось мягкое дыхание наступающего лета.

Он сидел на террасе, устремив рассеянный взгляд вниз, на чайку, которая с комичной важностью мерила шагами влажную кайму прибоя.

Почти неслышно на террасе появилась Луиса с подносом в руках. Крупная женщина немного за шестьдесят, она служила у Варгаса уже много лет. Скромно, но опрятно одетая в серое платье и вязаную кофту, Луиса двигалась по дому почти бесшумно.

На подносе стояла чашка кофе, лежали аккуратно разрезанные сэндвичи и планшет, на котором дон Алехандро обычно просматривал утренние новости.

— Ваш кофе, сеньор, — почти мурлыкая произнесла Луиса. — И сэндвичи, как вы любите.

Варгас обернулся. Его лицо озарила мягкая, приветливая улыбка.

— Gracias, Luisa, — сказал он.

Немного помедлив, добавил:

— Ты помнишь? Сегодня вечером у нас приём.

— Sí, don Alejandro, — ответила Луиса. — Я уже всё подготовила. Гости начнут приезжать к семи.

Варгас удовлетворённо кивнул.

— Прекрасно. Надеюсь, каталог их заинтересовал.

Луиса улыбнулась.

— Судя по звонкам, которые вы получали вчера вечером, очень заинтересовал, сеньор.

— Тем лучше.

Она скрылась в доме, оставив его наедине с океаном.

Аукционы в доме Варгаса были событием для «избранных» — тех, чьи имена не встретишь в светской хронике, но чьи кошельки позволяли покупать редкости, исчезавшие затем в частных коллекциях.

Он взял чашку, сделал глоток кофе и включил планшет. С экрана поставленным голосом диктора потекли утренние новости — скучные и однообразные, как и всегда. Он рассеянно слушал ведущего телевидения, откусывая от сэндвича и время от времени поглядывая на серые волны.

Где-то за кедрами, на подъездной дороге, на секунду послышался тонкий стрекот мопеда.

Дон Алехандро даже не обернулся.

В тот момент, когда он сделал очередной глоток кофе, из глубины дома донеслась мелодия видеодомофона. Варгас не расслышал слов, лишь приглушённое бормотание Луисы и хло-

пок входной двери. Столь ранний визит вызвал у него лёгкое недоумение, но он не позволил ему испортить завтрак. Через несколько минут Луиса вернулась. В руках она бережно несла свёрток в грубой восковой бумаге — в такую на портовых рынках заворачивают тунца.

— Мальчишка Марко принёс, — заговорщически тихо произнесла Луиса. — Сказал, что Мигель Рамирес вам звонил и просил передать это, — она кивнула на посылку в руках.

Тяжелый свёрток лёг на стол, пахнув застоявшейся водой и рыбой.

Дон Алехандро нахмурился.

— Мигель?

Он знал старого угрюмого рыбака уже много лет. Иногда в его сетях находились «подарки» глубин: обломки старой керамики, позеленевшие и почерневшие от времени бронзовые монеты и другие мелкие находки с давно затонувших кораблей. И Мигель охотно отправлял всё это своему другу, коллекционеру древностей.

Варгас потянул за край бумаги. Она была жирной, скользкой на ощупь.

Он медленно развернул первый слой.

Второй.

Под бумагой оказался странный диск. Он скользнул на стол и глухо ударился о дерево.

Варгас приподнял тяжёлый диск и медленно повернул его в руках. По краям в металл всё ещё впивались окаменевшие кораллы — немой след долгих лет, проведённых на морском дне. Весь диск был прорезан отверстиями причудливой формы. Некоторые из них оказались забиты песком и засохшим илом.

Он провёл большим пальцем по поверхности, счищая налет.

И увидел их.

Символы. Они обожгли ему память. Он видел их раньше. Но где — вспомнить не мог.

Старик вскочил, опрокинув чашку. Он ещё раз взглянул на странные символы, и крепче сжал находку в руке. Второй рукой он схватил планшет и направился вглубь дома. Шаги его, обычно старчески шаркающие, теперь звучали твёрдо и гулко на лестнице, ведущей на второй этаж.

Туда, в кабинет.

Туда, где среди старых карт и рукописей он надеялся найти ответ.

Туда, где океан наконец-то решил заговорить с ним.

Глава 1

Над Атлантикой плавно разгорался закат.

Редкие облака, лениво бродившие над побережьем днём, вытянулись вдоль горизонта тлеющими полосами. Их края вспыхивали, медленно остывая в глубоком фиолете вечера. Солнце опускалось в океан слишком спокойно. Будто у него не было причин спешить. Каждая волна на мгновение вспыхивала янтарными брызгами, прежде чем раствориться в медленно наступающих сумерках. Ветер приутих, и над берегом властвовал размеренный шелест прибоя и редкие крики чаек.

К северу от Кадиса береговая линия простиралась бескрайним полотном искрящегося песка. Вдоль кромки воды замерли виллы — светлые особняки с просторными террасами, деликатно скрытые за стенами из кипарисов, пальм и старого камня.

Вилла *Casa de las Gaviotas* — «Дом чаек» — стояла на скалистом возвышении. Она была старше и, казалось, мудрее своих соседок, но не принимала их, будто не желала раствориться в этом ряду одинаково ухоженных домов. Ниже, у подножия утёса, тянулся широкий песчаный пляж. Даже в мае он был полон жизни: люди не спешили уходить с тёплого песка, дети бегали у самой кромки воды, в воздухе звучали голоса и смех. У самой кромки воды тихо шуршал прибой, и этот шелест поднимался вверх, к виллам, постепенно умолкая в кронах деревьев.

Сам особняк, двухэтажный, окружённый веерами хамеропса, цветущей айвой и приземистыми кедрами, выглядел массивно на фоне догорающего неба. Закатные лучи скользили по фасаду, и белые стены в мягком свете казались тёплыми, почти персиковыми.

Дом, словно старый мудрец, смотрел на пляж с безразличием, накопленным годами наблюдений.

Со стороны узкой подъездной дороги донёсся тихий шелест шин. Спустя мгновение между тёмными силуэтами кедров скользнули лучи фар, и белый *Bentley* плавно выкатился на площадку перед домом.

Машина замерла почти бесшумно. Водитель, безукоризненно точный в движениях, покинул своё место и распахнул заднюю дверь. Из салона вышел высокий мужчина в светлом льняном костюме. Он ненадолго задержался у автомобиля, вдохнул солёный воздух и глянул на всполохи заката, прежде чем направиться к дому. Едва он скрылся за дверью, на площадку бесшумно вплыл чёрный *Maybach*. Он остановился мягко, без лишнего движения — словно не подъехал, а просто оказался на месте.

На пороге особняка гостей встречал высокий худощавый мужчина лет тридцати пяти, в безупречно подогнанном тёмном костюме. Он казался неотъемлемой частью архитектуры особняка. Тщательно зачёсанные назад волосы, сдержанный поклон и тихие, выверенные слова приветствия — он направлял прибывающих внутрь дома едва заметными, почти артистичными жестами.

Вскоре подъехали и другие машины. Одна за другой. Но спокойствие побережья не продлилось долго. Его разорвал рык двигателя. Хищный. Вызывающий. Разговоры оборвались сами собой.

По дорожке, вздымая облака золотистой пыли, пронёсся алый *Ferrari*. Он затормозил у самого входа с коротким, протестующим визгом шин. Купе ещё несколько секунд утробно урчало, словно не желая окончательно подчиниться тишине вечернего побережья, словно смакуя произведённый эффект.

В гладком боку машины бесшумно выдвинулась дверная ручка, и через мгновение дверь открылась. Туфля мягко коснулась белого гравия — тот тихо, почти уважительно хрустнул. Мужчина вышел из машины и выпрямился, стряхнув с плеча невидимую складку. На мгнове-

ние он задержался рядом с автомобилем, словно давая окружающим возможность рассмотреть его.

Высокий. Широкоплечий. Движения — спокойные, выверенные, как у человека, привыкшего чувствовать себя своим в любой компании. И при этом — оставаться наблюдателем. В выгоревших на солнце тёмно-русых волосах поблёскивали серебристые нити.

Он оглядел двор коротким, скольльзящим взглядом. Не изучая — оценивая. И почти сразу понял — он здесь не самый опасный человек.

Никто не спешил возвращаться к разговору.

Он снял тёмные очки, на мгновение замер и едва заметно кивнул худощавому мужчине на пороге — коротким, почти дружеским жестом. Тот ответил таким же лаконичным кивком.

— Добрый вечер, мистер Грейсон, — произнёс он с лёгкой улыбкой. — Рад снова видеть Вас в *Casa de las Gaviotas*.

— Добрый вечер, Рауль, — спокойно ответил гость. Он произнёс это так естественно, словно вернулся в родной дом.

— Дамы и господа, señoras y señores, — голос Рауля — безупречно поставленный и мягкий, словно дорогое вино — заполнил пространство гостиной.

Он выждал короткую, ювелирно выверенную паузу, позволяя шепоткам угаснуть.

— Сеньор дон Алехандро де Варгас просит извинить его отсутствие. Он присоединится к нам немного позже. Его частная коллекция — не просто собрание редкостей. Это летопись времени. И сегодня он любезно согласился открыть для вас несколько её страниц. Надеюсь, этот аукцион станет для вас не только откровением, но и приобретением.

В просторной гостиной гости расположились полукругом. Свет ламп падал на длинный стол, накрытый полуночно-синим бархатом. На нём, точно в музейной галерее, были представлены лоты. Позади гостей Луиса двигалась почти бесшумно. Она наполняла бокалы хересом; лишь едва слышный звон хрусталя и тонкий аромат закусок дополняли атмосферу сдержанной роскоши.

Рауль едва заметным движением поправил манжеты.

— С вашего позволения, мы начнём.

Он осторожно, кончиками пальцев, приподнял первый предмет. Свет ламп жадно впился в металл. Это была золотая пектораль — массивное нагрудное украшение, чьё сияние казалось вечным. Тончайшая филигрань сплеталась в спиральный лабиринт, на поверхности которого замерли крошечные золотые звери, застигнутые мастером за мгновение до прыжка.

— Седьмой–шестой век до нашей эры, — негромко произнёс Рауль, и в наступившей тишине его голос звучал особенно проникновенно. — Финикийские мастерские Южной Иберии.

Он сделал небольшую паузу.

— Пектораль была обнаружена несколько лет назад при раскопках древнего захоронения неподалёку от Уэльвы.

Где-то тихо звякнул бокал. Золото мягко мерцало, отражаясь в глазах коллекционеров. Кто-то невольно подался вперёд, заворожённый блеском металла, который не тускнел тысячами. Рауль на секунду задержал взгляд на полукруге гостей.

— Начальная ставка — сто тысяч евро.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Затем один из гостей — пожилой мужчина с густыми седыми бровями — слегка поднял руку.

— Сто десять тысяч, — почти сразу произнёс Рауль. — Благодарю.

Он быстро перевёл взгляд на другую сторону полукруга.

— Сто двадцать?

Статная молодая женщина в элегантном чёрном платье, сидевшая ближе к камину, едва заметно кивнула. На её шее холодным светом блеснуло массивное кольцо — одно из тех украшений, стоимость которых не принято обсуждать вслух.

— Сто двадцать. Принято.

Ритм торгов начал ускоряться. Голос Рауля стал суше и чётче.

— Сто тридцать? Есть сто тридцать?

Мужчина у окна вскинул два пальца.

— Сто тридцать. Благодарю. Сто сорок?

— Сто сорок, — спокойно произнёс кто-то слева.

— Сто сорок. Есть сто пятьдесят?

— Сто пятьдесят.

— Сто шестьдесят?

— Сто шестьдесят.

Темп нарастал. Рауль больше не делал пауз, он дирижировал этим невидимым оркестром жадности и страсти.

— Сто семьдесят? Есть сто семьдесят?

На секунду над залом повисла пауза.

И вдруг та самая женщина в чёрном платье чуть подалась вперёд. В её взгляде мелькнул холодный блеск.

— Двести.

Сумма прокатилась по залу, заставив всех затаить дыхание. Гости невольно обернулись к ней. Рауль на мгновение задержал взгляд и кивнул.

— Двести тысяч. Благодарю вас.

Он медленно обвёл взглядом присутствующих, давая конкурентам шанс, но понимая, что битва окончена.

— Есть ли большее предложение?

Зал молчал. Рауль поднял небольшой аукционный молоток из тёмного дерева.

— Двести тысяч раз...

— Двести тысяч два...

Сухой, решительный удар о дерево поставил точку.

— Продано.

Он повернулся в сторону победительницы.

— Поздравляю вас, мисс. Превосходный выбор.

За высокими окнами виллы наливалась чернильной густотой Атлантика. Последние лучи солнца ещё подсвечивали воду, но океан уже дышал холодом, лениво перекатывая волны у берега — равнодушный свидетель происходящего за стенами особняка.

Александр Грейсон всё это время хранил молчание. Он сидел в тени, неподвижный и сосредоточенный, словно хищник, наблюдающий за повадками стаи.

Рауль аккуратно, почти благоговейно, положил молоток на стол и позволил себе едва заметную улыбку.

— Сделаем паузу, дамы и господа.

Гости мгновенно оживились, сбрасывая оцепенение торгов. Зал наполнился негромким гулом голосов и шорохом шелка. Луиса уже скользила между креслами с тяжёлым серебряным подносом; в хрустальных бокалах дрожал и переливался янтарный херес.

— ¿Jerez, señor? (*Хереса, сеньор?*) — тихо поинтересовалась она у одного из гостей.

Пожилый господин с кустистыми бровями благодарно кивнул.

— Спасибо!

Он сделал небольшой глоток, не сводя прищуренного взгляда с женщины в чёрном. Он был не единственным, кого притягивала победительница торгов. Грейсон тоже не отводил от неё глаз. На мгновение их взгляды со стариком встретились — коротко, холодно.

Александр поднялся. Спокойно взяв бокал у Луисы, он направился к столу, где в свете софитов покоилась пектораль. Он склонился над золотом, вглядываясь в хитросплетения нитей, пытаясь за маской артефакта разглядеть тень того, кто носил его две с половиной тысячи лет назад.

— Вам нравится?

Грейсон выпрямился. Новая владелица сокровища стояла совсем рядом. Тёплый свет мягко очертил линию её плеча и блеснул в гранях тёмных камней на шее, оттеняя загорелую кожу.

— Впечатляет, — ровным голосом ответил он. — Не каждый день сталкиваешься с вещами, которые помнят рассвет цивилизации.

Он чуть склонил голову.

— Примите мои поздравления. Редкая удача.

Женщина не спешила с ответом. Просто смотрела на Грейсона — долго, открыто, словно пыталась прочесть его, как зашифрованный манускрипт. Наконец, уголки её губ едва заметно дрогнули.

— Благодарю. Признаться, я настраивалась на долгую осаду. Не думала, что финал наступит так быстро.

Грейсон пригубил херес.

— Вы нанесли удар слишком решительно, чтобы кто-то успел оправиться.

— Иногда это единственный способ не дать азарту превратиться в безумие, — парировала она.

— Вы тоже собирались вступить в игру? — прямо спросила она.

— Александр Грейсон, — вместо ответа представился он, приподняв бокал.

Она на мгновение задержала на нём взгляд.

— Елена, — отозвалась она.

И после секундного колебания добавила:

— Просто Елена.

На её щеках проступил едва заметный румянец — мимолётный признак того, что этот уверенный в себе человек произвёл впечатление. Она заметила, что Грейсон держит свой бокал, а она — нет. Александр тут же уловил момент.

Позади разразился смех. Слишком громкий. Слишком лёгкий.

— Похоже, я нарушаю законы гостеприимства.

Он сделал пару шагов к подносу и вернулся, протягивая ей хрусталь.

— Исправляю оплошность.

— Спасибо, — Елена сделала глоток, не сводя с него глаз.

— А теперь — ответ. Вы хотели купить пектораль?

Грейсон посмотрел на неё поверх края бокала.

— Прежде — один вопрос. Вы местная? Кадис?

Она удивлённо приподняла бровь.

— Это так очевидно?

— Акцент. Местный, Андалусский.

Елена улыбнулась.

— Кадис. Я здесь выросла.

— Прекрасный город, — мягко заметил Грейсон. — Особенно вечером, когда с океана тянет в старый центр.

— Вы часто там бываете?

— Наездами. И всегда по делам. Но сегодня я начинаю подозревать — я смотрел не туда.

— Древности? — прищурилась она.

— Возможно, — Грейсон салютовал ей бокалом. — Но я пока не решил.

Из зала донёлся поставленный голос Рауля:

— Дамы и господа, прошу вас... Займите свои места. Мы продолжаем.

— Похоже, наш диалог прерывают на полуслове, — Елена чуть склонила голову.

— Тем больше поводов найти для него другое место и время, — ответил Грейсон.

Он остался стоять у стола, пока гости возвращались к креслам. На антрацитовом бархате золото пекторали уже сменилось тусклым блеском бронзовой курильницы, изъеденной патинной. Рауль бережно поднял лот номер два.

— Финикийская бронзовая курильница VII века до нашей эры. Месяц назад она была найдена фермером на оливковой плантации под Севильей.

Он повернул предмет так, чтобы его могли рассмотреть гости, и слегка улыбнулся.

— История, дамы и господа, буквально лежит у нас под ногами... Начальная ставка — шестьдесят тысяч евро.

По залу прошёл ропот.

— Шестьдесят... благодарю вас... семьдесят...

Грейсон, не оборачиваясь, поставил бокал на край стола и направился к выходу в холл. На секунду задержался. И всё же вышел.

Здесь царило иное измерение. Свет из гостиной ложился на мраморные плиты длинной, тревожной полосой. Голос Рауля доносился сюда приглушённо:

— Семьдесят тысяч... Благодарю.

Он сделал шаг...

И остановился.

Тишину холла разрезал странный, утробный звук. Сначала он показался случайным скрипом старого дома, но когда повторился — Грейсона обдало холодом. Это был хрип. Тяжёлый, влажный хрип человека, который отчаянно борется за каждый глоток воздуха. Александр вскинул голову. Там, в полумраке лестницы, он увидел тень — тяжёлую, нескладную массу, медленно сползающую по ступеням. Позади него всё ещё было слышно Рауля:

— Восемьдесят тысяч... благодарю вас, дон Карлос.

В два шага он оказался рядом.

— Осторожно! Не шевелитесь...

Только сейчас полоса света коснулась лица раненого. Грейсон замер.

— Сеньор Варгас...

Дон Алехандро был в домашнем халате. По его спине расплзлось огромное чёрное пятно. В тусклом свете блеснула рукоять — узкий, хищный клинок вошёл под левую лопатку почти по самое перекрестие.

— Девяносто тысяч... — донеслось со стороны гостиной. — Кто даст сто?

Варгас судорожно выгнулся. Его пальцы, холодные и цепкие, как когти, впились в предплечье Грейсона. Старик открыл рот, но вместо слов наружу вырвался лишь кровавый кашель.

— Тише, тише... Я позову врача, — быстро заговорил Александр, пытаясь прижать рану.

Варгас едва заметно, но решительно качнул головой. Его взгляд, подёрнутый туманом боли, внезапно прояснился. С невероятным усилием он вытянул левую руку. Только сейчас Грейсон увидел, что пальцы старика сжимают что-то тяжёлое. Холодный, скользкий от крови диск, покрытый бронёй из морской соли и мёртвых кораллов. Варгас с силой вложил его в ладонь Грейсона.

— Encuentre... — прохрипел он, и алая пена запузырилась на его губах. — Encuentre... a Argantonio... (*Найдите... Аргантония...*)

Он вцепился в рукав Александра, притягивая его к себе.

— Las estaciones... Existen... (*Станции... они существуют...*)

Пальцы донна Алехандро дрогнули и разжались. Голова безвольно откинулась назад.

Тишина в холле стала плотной, почти вязкой. За стенами тихо шипел океан. И в эту тишину, словно насмешка, ворвался голос Рауля:

— Сто тысяч... Есть ли сто десять?

Грейсон стоял на коленях, сжимая в руке холодный бронзовый диск. Осознание ещё не пришло — разум уже считал. Он не двигался. Лишь взгляд коротко скользнул вверх по лестнице, затем в сторону тёмного коридора. Пусто. Ни звука.

— Сто десять... Благодарю вас, дон Карлос... Сто двадцать?

Пальцы сжались сильнее; холод металла проступил сквозь кожу.

— Сто двадцать раз... Сто двадцать два...

Сухой удар молотка прозвучал как выстрел.

— Продано.

Глава 2

Порт Кадиса никогда не знал настоящей тишины.

Даже в те часы, когда город замирал, здесь продолжалась своя, лихорадочная жизнь. Под тускло-желтым светом фонарей, покрытых налётом соли, покачивались мачты, скрипели швартовы. Воздух был густым — его почти можно было намазать на хлеб. Над доками кружили чайки, чьи крики в ночи отдавались раскатистым эхом.

У дальнего причала, мерно ударяясь о резиновые кранцы, едва покачивался рыболовный траулер «Santa Dolores».

Старушка повидала виды: краска на её боках давно сдалась солнцу и штормам, обнажая серый металл, но старый дизель работал надёжнее любого швейцарского хронометра. На борту, под самой рубкой, гордо белела надпись «Transpesca S.A».

Возле маленькой портовой конторки, освещённой единственной лампой, застыл человек в яркой куртке. Дон Эрнандес, управляющий компании, походил на стервятника, высматривающего добычу: он по привычке фиксировал время выхода, уткнувшись в планшет, и лишь изредка бросал на траулер колючий взгляд. Заметив движение на палубе, он сухо махнул рукой.

На корме высился капитан — человек-скала с бородой, поседевшей от морской пены, и лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. Мигель Рамирес взирал на мир с таким выражением, будто всерьёз прикидывал, не пойдёт ли этот мир на корм крабам, если его хорошенько встряхнуть.

И главный кандидат на роль «закуски для крабов» возился прямо у него под носом.

— Марко! — рявкнул Мигель так, что с ближайшего пакгауза сорвалось несколько спокойно дремавших чаек.

Молодой матрос в тельняшке на пару размеров больше, чем следовало, подпрыгнул на месте.

— Да, капитан!

— Я тебе что велел? Отдать швартовы! Не плести из них макраме, не гадать на узлах и не изобретать новую морскую головоломку, а просто скинуть их к чертям собачьим!

С палубы донёсся дружный, сдавленный хохот команды. Марко залился пунцовой краской и, кажется, окончательно запутался в мокрых канатах.

— Я... оно само... сейчас!

— Сейчас? — Мигель сделал шаг вперед, и палуба под ним даже не скрипнула — она почтительно замолчала. — Мы уже десять минут как должны быть в открытом море, а ты до сих пор привязан к этой суше, как младенец к мамкиной юбке!

Коренастый Диего, старший помощник, толкнул соседа локтем:

— Ставлю два евро, что парень сейчас завяжет бантик.

— Три, что он привяжет траулер к собственной ноге, — хохотнул кто-то в ответ.

— Я всё слышу! — буркнул несчастный Марко.

— Тогда делай быстрее, chico, — спешно отозвался Диего. — Пока капитан не решил, что ты лучше смотришься в качестве носовой фигуры.

Наконец, один канат со смачным всплеском рухнул в воду. Марко вытер пот со лба, выпрямился и торжествующе воскликнул:

— Готово!

Мигель театрально медленно перевёл взгляд на парня, а затем — на второй швартов, который всё еще удерживал судно у причала. По палубе прокатился новый взрыв смеха. Марко медленно обернулся.

— О...

Диего подошел к нему и по-отцовски прохлопал по плечу.

— Не кручинься, chico. В свой первый выход я тоже так опростоволосился.

— Правда? — с надеждой вскинулся Марко.

— No.

Раздался общий хохот. Спустя минуту последний канат был побеждён. Мигель коротко кивнул рулевому, и утробный рык двигателя сотряс корпус «Santa Dolores». Вода у кормы вскипела пеной, и траулер начал медленно отваливать от причала. На берегу дон Эрнандес, не глядя, поставил финальную галочку в своём планшете.

— Глядите на него, — кивнул Диего в сторону берега. — Эрнандес уже прикидывает в уме, сколько ящиков рыбы мы ему привезём.

— Не ему, — отрезал Мигель, не отрывая взгляда от горизонта. — Компании.

— Да какая разница? Утром он всё равно будет пересчитывать хвосты на лонхе с таким видом, будто мы их у него из кармана вытащили.

Марко, всё ещё красный от стыда, нахмурился:

— А если мы ничего не выловим?

Диего осклабился:

— Тогда он посмотрит на капитана так, словно тот лично съел всю рыбу в Атлантике.

Мигель лишь фыркнул, раскуривая трубку:

— Если ты ещё раз так отшвартуешься, парень, он действительно вычтет стоимость причала из твоего жалованья.

Смех постепенно стих, когда «Santa Dolores» миновала ряды спящих кораблей. Огни порта вытягивались в длинные, тусклые дорожки на воде, пока город медленно закрывал за рыбаками свои тяжёлые ворота.

У выхода из залива их встретил силуэт крепости Сан-Себастьян. Высившийся над ней маяк, словно ночной страж с фонарем, медленно поворачивался, озаряя окрестности ровным сиянием. Луч света скользнул по рубке траулера, выхватив на миг сосредоточенное лицо Мигеля, и ушёл дальше, в бездонную тьму океана.

Как только волноломы остались позади, характер воды изменился. Она стала глубокой, тяжёлой и по-настоящему чёрной. Холодный ветер с океана ударил в лица, принося запах соли и первобытной свободы. «Santa Dolores» мягко взошла на первую длинную волну.

— Капитан... — пробормотал Диего. — Мы ведь правда идём к течениям у устья?

Мигель не ответил.

Судно легло на курс северо-запад — туда, где за горизонтом дышало устье Гвадалквивира. Туда, куда порядочные рыбаки из Кадиса обычно не совались...

— Проклятые песчаные банки... — прорычал капитан, не отрывая взгляда от экрана эхолота.

Он прищурился, выругался сквозь зубы.

— Ползают там, внизу, как живые гады.

Диего подошел ближе. В тусклом свете приборов его лицо казалось отлитым из бронзы.

— Думаешь, мы не зря жгли солярку два часа, чтобы добраться до этого гиблого места, Мигель?

Капитан внимательно следил за тем, как на экране неровный рельеф дна то вздымался песчаными дюнами, то снова проваливался в бездну.

— Надо пройти эти воды и выйти на изобату в 50 метров, — пробублил он. — Иначе у нас будут большие проблемы.

Диего усмехнулся:

— Это я знаю. Юристы с нас не слезут.

Он кивнул в сторону угольно-чёрного горизонта — ни одного навигационного огня. Лишь далеко на юго-востоке раз в несколько секунд вспыхивал луч маяка Чипионы — старого сторожа этих берегов.

— Странно... Мы здесь одни. Как призраки...

Мигель вынул изо рта остывшую трубку и сухо постучал ею по поручню, выбивая пепел прямо в солёную темноту за бортом.

— Потому мы здесь.

Диего прищурился:

— Возле банок, в этом гиблом месте? Где течения гуляют как пьяный матрос?

— Верно, — спокойно подтвердил капитан. — Сети тут можно порвать в клочья. Никто из «джентльменов удачи» не любит рисковать снастями.

— ...Или сесть на банку, — буркнул себе под нос Диего.

Диего долго всматривался в пустоту океана, прислушиваясь к натруженному рокоту двигателя. Потом тихо хмыкнул:

— Значит, к утру мы будем либо богачами с полными трюмами...

— ...либо последними идиотами в порту, — закончил за него Мигель.

В этот момент океан вокруг «Santa Dolores» внезапно преобразился. Вода под форштевнем вспыхнула холодным голубым сиянием. Марко, забыв про канаты, перегнулся через борт, замороженный зрелищем.

— Капитан... смотрите!

Каждая волна теперь оставляла за собой мерцающий шлейф, словно в глубине моря кто-то рассыпал пригоршню звёзд. Океан дышал этим странным, едва заметным светом, как огромный живой организм. Диего тихо присвистнул, его скепсис мгновенно испарился.

— Планктон... — прошептал он.

Прямо под поверхностью, в этом магическом сиянии промелькнула массивная, стремительная тень. Вторая, третья... Тени прорезали воду с молниеносной легкостью, оставляя за собой лишь клубящиеся всполохи света.

— Тунец! — воскликнул Марко, разорвав тишину ночи. — Эх, жаль мы не можем его выловить.

Мигель Рамирес ничего не ответил. Он лишь с силой хлопнул ладонью по штурвалу.

— Хватит любоваться, бездельники! Трал в воду! Живо! Следите за вёрами. И готовьте ящики.

Разнёсся топот сапог и лязг металла. Тяжёлые канаты зашуршали по палубе, снасти начали медленно уходить в светящуюся воду.

Океан наблюдал за работой людей.

Последний поплавок скрылся в чернильной воде, оставив на поверхности лишь дрожащий след фосфоресценции. Мигель оглядел палубу, коротко кивнул и принялся забивать трубку, прячась от пронизывающего ветра за воротником куртки.

— Всё. Теперь пойдём на трале.

Кто-то из команды устало опустился прямо на доски палубы, прислонившись к ящикам. Другой в задумчивости закурил, облокотившись о борт старушки «Santa Dolores».

Диего вытер соленый пот со лба и покосился на Марко, который всё ещё стоял в напряжении, вглядываясь в темноту.

— Первый выход, *chico*?

Марко замотал головой.

— Тогда ты знаешь, — Диего ткнул пальцем в сторону тросов. — Спи, пока можешь.

Мигель разбудил их резким, басовитым окриком, перекрывающим рокот дизеля:

— На выборку, салаги! Шевелитесь, пока улов не передумал!

Команда мгновенно ожила. Лебёдки взвыли. Тросы натянулись, вибрируя от колоссального веса. Запахло водорослями.

— Тяжёлый кутёц... — прохрипел Диего, глядя на лебёдки. — Словно мы зацепили сам ад.

— Это хорошо, — хмыкнул кто-то из темноты. — Ад нынче дорого стоит на рынке.

Трал поднялся по кормовому слипу огромным, пульсирующим мешком. В следующее мгновение, когда Диего развязал гайтан, палубу захлестнул живой поток. Десятки плоских солёй заскользили по настилу, а несколько крупных морских ангелов принялись молотить хвостами по доскам с такой силой, что тяжелый металлический грохот заглушал крики рыбаков. Вода, чешуя и придонный ил мгновенно сделали палубу опасно скользкой.

— Madre de Dios... (*Матерь Божья*) — присвистнул Диего, уворачиваясь от хлёткого удара хвоста тридцатикилограммовой туши. — Да тут целое стадо! Мы будем кутить неделю! Марко, по колёно в рыбе, вытаскивал запутавшиеся плавники, когда вдруг услышал...

Его.

Этот звук не был похож на плеск. Он был каменным, коротким. Окончательным.

Словно в оркестр живой природы рухнул гулкий бас, на секунду оборвав весь шум. Марко замер. Кто-то из матросов перестал разбирать сеть и обернулся.

— Эй... погодите!

Он лихорадочно разгрёб бьющуюся рыбу. Под сапогами что-то тяжело перекаатилось. Между чешуйчатыми телами он увидел нечто шероховатое, округлое — чужое среди рыбы.

— Чёрт... — пробормотал он от удивления.

Среди свежего улова выглядывал тёмный диск. Марко ухватил его обеими руками и с натугой вытянул на свет. Диск был ледяным. Слои соли, окаменевших кораллов и водорослей превратили его в некое подобие ископаемого панциря.

Он не блеснул.

— Капитан! — крикнул Марко, перекрывая шум лебедки. — Смотрите, что в сетях застряло!

Рамирес подошёл не сразу. Он неторопливо миновал заваленную рыбой палубу. В свете прожекторов его огромная фигура казалась несокрушимым утёсом.

— Что там ещё? Опять обрывок кабеля?

Марко поднял находку. Её поверхность прорезали странные отверстия, расположенные без всякого порядка. Мигель сощурился — морщины у глаз вытянулись тонкими струнами. Огромная ладонь взяла предмет из рук Марко — легко, словно тот ничего не весил. Пальцы старого морского волка привычно прошли по изъеденному солью артефакту. Он постучал ногтем по краю. Звук показался глухим, резонирующим, древним.

— Бронза... — пробормотал капитан.

Его голос вдруг стал другим.

Диего нахмурился.

— Камень?

— Нет... — Мигель не отрывал взгляда от находки. — Хуже.

Он поскрёб соляную корку на поверхности бронзового диска. И тут в ярких лучах электрического света он увидел древние символы. В этот момент он выглядел не как капитан рыболовецкого судна, а как человек, заглянувший в приоткрывшуюся тайну.

Капитан замер всего на секунду.

— Старьё, — коротко бросил он.

— Но я его нашёл! — вскинулся Марко. — Он мой!

Мигель уже развернулся к своей рубке.

— Молодец. Будет тебе премия за чистку невода.

— Капитан...

Рамирес остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Марко. Мы здесь за тунцом. Океан даёт нам еду, а не мусор со дна.

Он слегка приподнял диск, и луч фонаря на мгновение провалился в глубокие отверстия, высветив лишь слоистые, бурые отложения. В этот момент вода за бортом вдруг тихо вспыхнула фосфоресценцией — словно океан вздохнул.

— Не за этим, — повторил он и скрылся в темноте рубки, плотно заdraив за собой дверь.

Марко остался стоять среди засыпающей рыбы. Диего тихо усмехнулся, бросая очередного тунца в ящик со льдом.

— Не переживай, *chico*. Такие штуки всегда достаются капитану. У него свои счёты с этими водами.

Марко ничего не ответил. Он смотрел на закрытую дверь рубки, чувствуя на своих ладонях странный запах — не рыбы и не моря, а чего-то очень таинственного. У него внезапно задрожали пальцы. Немного постояв, он молча вернулся к работе и постарался не думать о том, как капитан отобрал у него находку.

К утру побережье заволочло туманом, податливым молочным ковром. Небо на востоке постепенно светлело. В глубине тумана тянулась узкая полоса синевы — последняя крепость уходящей ночи. Над ней разливался тёплый оранжевый тон, и выше это великолепие растворялось в прозрачной, почти хрустальной голубизне наступающего дня.

«Santa Dolores» шла ровно, глубоко осев в воду под тяжестью богатого улова. Старый дизель ворчал басовито и довольно, предвкушая отдых в родном порту. Где-то в белесой мгле лениво вскрикнула чайка, ей отозвалась вторая, и вскоре воздух наполнился их требовательным гвалтом — вечным спутником рыбацкой удачи.

Солнце поднималось над равниной. Сначала из-за далекого горизонта Андалусии показался лишь размытый огненный край, но уже через минуту над миром завис весь диск — тусклый, приглушенный туманом, похожий на раскалённую монету прошлого.

Где-то впереди сонно ухнул сигнальный буй.

Неспешно возник силуэт крепости Сан-Себастьян — он проявился из холодной дымки. Над цитаделью всё ещё вращалось око маяка; его луч, уже бледный и усталый, по инерции скользил по воде, проверяя, все ли вернулись домой.

За крепостью из утреннего тумана начали проступать крыши Кадиса. И над ними, как тихий страж города, засиял золотой купол кафедрального собора.

Первые лучи солнца коснулись купола, вспыхнули на его гладкой поверхности и скользнули ниже — по мокрой черепице, по узким улочкам, по фасадам домов. Белые стены Кадиса загорелись мягким персиковым светом.

— Вот это я понимаю... — пробормотал Диего, щурясь на ослепительный блик. — За такое утро, парень, стоит простить океану всё.

Марко облокотился о борт. Он вспомнил, как на мгновение дрогнули руки капитана, когда тот коснулся артефакта. Вспомнил ломаные знаки, которые в свете палубных ламп показались ему почти живыми.

— Ну что, *chico*... — раздался рядом голос Диего, вырывая его из задумчивости. — Эрнандес сегодня будет в хорошем настроении.

— Если только не решит, что мы могли поймать ещё больше, — буркнул кто-то из матросов.

Диего лишь усмехнулся в ответ.

Траулер медленно вошёл в гавань. В рубке Мигель стоял у штурвала, не сводя глаз с экрана картплоттера. Дизель ворчал усталым, но довольным басом — так обычно звучит двигатель, который знает, что ночь прошла не зря. «Santa Dolores» подходила к рыбному порту. У причала её уже ждали.

Ждали грузчики. Ждали люди из конторы Эрнандеса.

И ждали портовые коты — несколько ленивых, уверенных в себе рыжих и полосатых морд, которые уже знали: если ночь была удачной, кое-что перепадёт и им.

С берега доносился лязг цепей и редкие голоса грузчиков — порт начинал просыпаться. Дон Эрнандес стоял ровно на том же месте, где траулер оставил его ночью. Изменилась лишь одна деталь: планшет уступил место жестяной кружке, над которой поднимался шлейф горького кофе. Управляющий глядел на подходящий траулер, как бухгалтер, подсчитывающий грядущую прибыль.

На палубе рыбаки уже откидывали тяжёлый люк рыбного трюма. Изнутри потянуло холодом и густым запахом улова. Через минуту заскрипела стрела палубного крана, и первый пластиковый ящик медленно поднялся из темноты трюма — тяжёлый, полный колотого льда и бледно-коричневых морских языков.

Дон Эрнандес сделал глоток кофе и заметно оживился. Его плечи расправились, а в глазах загорелся тот самый огонёк, который появляется у таких людей при виде живых денег. Даже с расстояния было видно, как жадно он вглядывается в содержимое ящиков.

Диего сплюнул в воду и тихо хмыкнул, наблюдая за управляющим.

— Гляди, — пробормотал он, толкнув Марко плечом. — Стервятник почуял добычу. Сейчас начнет пересчитывать каждый хвост, будто это его собственные пальцы.

Траулер наконец замер, притёршись бортом к кранцам на причале. Последний швартов — на этот раз без ошибок — был наброшен на кнехт.

Мигель вышел из рубки, держа в руке свёрток из грубой восковой бумаги. Он посмотрел на Эрнандеса так, словно прикидывал, сколько тот будет весить с привязанным к ноге якорем. Управляющий ответил коротким, озадаченным кивком. В этом молчаливом обмене взглядами было больше напряжения, чем за всю ночь среди блуждающих банок.

— С возвращением, Рамирес! — окликнул управляющий. — Трюм, я вижу, не пустой?

Капитан не ответил. Он спустился по трапу, зажав под мышкой свёрток, и остановился почти вплотную к Эрнандесу.

— Океан был щедр, Эрнандес, — сказал он негромко. — Главное, чтобы город оказался не менее справедлив.

Марко смотрел на них сверху, с палубы. И ему вдруг показалось, что туман вокруг этих двоих сгущается снова, превращая обычную разгрузку рыбы во что-то гораздо более опасное.

Мигель отвернулся, будто разговор был окончен.

— Эй, Марко! — рявкнул он. — Где тебя хек носит? Поди сюда. И захвати свой рюкзак.

Марко сбежал по трапу. Капитан молча сунул свёрток ему в руки. Марко едва заметно вздрогнул — свёрток оказался неожиданно тяжёлым. Этот вес он уже чувствовал ночью.

— Отнесёшь это дону Алехандро де Варгасу. Прямо сейчас. И не вздумай играть в умника. Он тебя уже ждёт.

Через десять минут Марко уже мчался прочь из порта на своей старенькой «Веспе» по сонному Кадису. Кадис просыпался неохотно. Но одно его точно бодрило — узкие улочки наполнялись ароматами крепкого кофе, жареного хлеба и горячих чуррос. Марко не смотрел по сторонам. Он лишь выкрутил ручку газа до упора, заставляя уже немолодой мотор захлебываться от надрыва.

Дорога вывела его к гигантскому мосту, переброшенному через весь залив. Мост Конституции — *Puente de la Constitución de 1812* — уходил вперёд на несколько километров. Его стальные пилоны взмывали в утреннее небо, как мачты невероятного корабля, застывшего над заливом.

«Веспа» взвизгнула, протестуя против крутого наклона, и рванула на подъём. Внизу залив ещё дышал редеющим туманом, сквозь который проступали размытые очертания Кадиса. Западный ветер догонял его шумом проснувшегося города.

Кадис исчез в зеркалах заднего вида. Теперь шоссе тянулось вдоль залива между водой и плоскими болотистыми полями.

Проехав ещё пару километров, Марко резко сбросил газ. «Веспа» обиженно фыркнула и остановилась у обочины. В рюкзаке за спиной тяжело качнулся свёрток.

Ему вспомнился тот разговор в баре. С незнакомцем.

Марко достал телефон. Пальцы на секунду замерли над экраном. Затем он нашёл номер и нажал вызов.

Гудок. Длинный, томительный. Еще один.

Наконец в динамике послышался голос.

— Да?

Марко оглянулся на пустую дорогу.

— Сейог... — произнёс он, стараясь говорить как можно спокойнее. — Похоже, мы нашли один из них.

Наступила пауза. Короткая, но такая плотная, что Марко показалось, будто он слышит биение собственного сердца.

— Где ты сейчас? — спросил голос.

— Выежаю на шоссе. Я... — Марко сглотнул. — Я везу его к Варгасу... Так велел старый Мигель. Связь внезапно прервалась.

Марко спрятал телефон, поправил лямки рюкзака и с силой нажал на стартер. «Веспа» разрежала тишину нетерпеливым стрекотом. Он мчался туда, где среди приземистых кедров и криков чаек белела вилла *Casa de las Gaviotas*.

Глава 3

Александр Грейсон не двигался.

В ушах звенело. Он замер на коленях, чувствуя, как густая кровь донна Алехандро медленно остывает на его ладонях. В полумраке холла она казалась не красной, а чёрной — густой, как патока. С лестницы вниз тянулась тягучая алая струйка; она медленно, лениво, добиралась до безупречно белых мраморных плит.

Тёмно-алая капля сорвалась со ступени и тихо упала на камень.

Потом ещё одна.

На мгновение этот звук стал единственным. Другого просто не осталось.

Всё произошло слишком быстро. Несколько секунд назад старик ещё пытался бороться за жизнь. Его губы шевелились, выталкивая слова, смысл которых был непонятен. Пальцы судорожно, до белых костяшек, сжимали бронзовый диск, пока он с тяжестью не упал в ладонь Грейсона.

Он был уже мёртв. Его остекленевший взгляд был направлен куда-то выше плеча Александра, в сторону верхних ступеней лестницы.

Из гостиной донёсся размеренный и твёрдый голос:

— Сто десять... Благодарю вас, дон Карлос... Сто двадцать?

Он посмотрел на диск.

Кровь Варгаса впиталась в соляной налёт и коралловую корку; алые пятна резко выделялись на зелёной патине. Металл оставался холодным — он просто лежал в ладони, равнодушный и тяжёлый.

Послышался сухой скрип отодвигаемого кресла.

Грейсон замер. Он почувствовал биение в пальцах, сжимавших диск, будто удары сердца отдавались в металле. И казалось, вот-вот этот звук вырвется за пределы холла.

— Сто десять тысяч... три! — Сухой, окончательный удар молотка прозвучал оглушительно. — Продано! Отличный выбор, дон Карлос.

Он выдохнул.

Сквозь эту густоту со стороны распахнутой секундами ранее двери пробивался гул голосов. Звон хрусталя, чей-то беззаботный смех. Рауль всё тем же ровным, почти усыпляющим голосом продолжал вести торги.

— ...Лот номер три, дамы и господа.

И только один Грейсон делил этот холл со смертью.

У него было несколько минут.

Не больше.

Он огляделся.

Свет из гостиной по-прежнему ложился на мрамор длинной полосой. На лестнице, в полумраке, лежал Варгас — неподвижный, как тёмная складка на ткани сумерек.

Грейсон не знал, кто напал на Варгаса. Но одно было ясно: диск будут искать.

Если убийца ещё в доме, прятать его у себя — значит подписаться под собственным приговором.

Надо спрятать артефакт.

«Куда?»

Он поднялся и пошёл по коридору — быстро, почти бесшумно. Стены гладкие. Никаких ниш. Никакой мебели, которая могла бы послужить тайником.

Он знал про дверь в конце коридора.

Уборная.

Он щёлкнул выключателем, вошёл и тихо прикрыл дверь за собой. Белый кафель под ярким светом больно ударил по глазам.

Здесь пахло освежителем и чистотой. Грейсон обвёл взглядом помещение. Хозяйственный шкаф у стены. Узкое окно под самым потолком — слишком высокое для взгляда, но достаточное для вентиляции.

Он рывком повернул кран.

Вода с шумом ударилась о раковину. Грейсон сунул руки под поток. Кровь потянулась вниз тёмными нитями и исчезла в сливе. Несколько секунд он просто стоял, глядя, как вода смывает следы чужой смерти. Поток становился всё светлее. Будто ничего не произошло.

Бронзовый диск оказался под струёй воды. Алые следы неохотно вымывались из щелей, цепляясь за выступы кораллов, словно Варгас даже после смерти не хотел отпускать свою тайну. Вода медленно стекала по зелёной патине.

«Если дверь откроется сейчас, у меня нет алиби. Никакого. Только этот кусок бронзы в руках. И труп в холле.

Во что меня втянул этот старик?»

Грейсон сорвал с держателя полотенце и быстро обтёр артефакт, затем вытер ладони.

Он распахнул дверцы шкафа.

Внутри, в тесноте между трубами и бойлером, стояли четыре аккуратно сложенные коробки. Грейсон приподнял крышку одной. Бумажные полотенца. Чистящие средства. Запас мыла.

Он обернул диск в полотенце и положил свёрток в коробку. На самое дно, под пачки бумажных полотенец.

Крышка легла не сразу — он на секунду задержал её рукой. Потом отпустил. Коробка вернулась на полку — между двумя такими же. Он на мгновение задержал взгляд. Ничего не изменилось. Словно диска там никогда и не было.

Грейсон закрыл шкаф, выключил воду и посмотрел на себя в зеркало.

Лицо было спокойным. Слишком спокойным. На секунду он задержал взгляд — будто проверяя, поверил бы он сам этому лицу.

Он поправил воротник, провёл ладонью по волосам и вышел из уборной.

Когда он вернулся в гостиную, Рауль как раз заносил молоток.

Елена заметила его появление; её взгляд, острый и внимательный, на секунду задержался на его лице, словно она уловила запах озона перед грозой.

На мгновение её брови чуть сошлись — словно она пыталась понять, что именно в нём изменилось.

— Сто двадцать тысяч... два...

В зале повисла короткая пауза.

— Сто двадцать тысяч... три.

Молоток опустился.

— Продано.

Грейсон приблизился к Раулю и прикоснулся к его плечу.

«Никто не знает, что тело хозяина дома лежит на лестнице».

— Рауль. Нужно поговорить. Срочно, — шёпотом произнёс он.

Над побережьем, разрывая сумеречную мглу, вспыхнули синие огни.

Полицейский бело-синий *Citroën* остановился у тяжёлых кованых ворот *Casa de las Gaviotas*. Они медленно распахнулись, и автомобиль с надписью «POLICÍA NACIONAL» вкатился на белый гравий подъездной дороги.

Проблесковые маячки ритмичными холодными вспышками скользили по дорогим автомобилям, стоявшим во внутреннем дворе в тени кедров и пальм.

Машина замерла возле алого *Ferrari*. Двое офицеров в тёмно-синей форме вышли и направились ко входу.

На пороге их уже ждал Рауль.

Он стоял точно там же, где полтора часа назад встречал прибывающих гостей — прямой, безупречно собранный.

Только теперь вместо вежливых поклонов и приветственных улыбок его лицо было бледным и неподвижным.

— Полиция, — коротко представился офицер. — Где тело?

— На лестнице, — голос Рауля дрогнул, но он тут же взял себя в руки.

Полицейские вошли в дом. Теперь холл был залит мягким, рассеянным светом. Белый мрамор пола сверкал, подчеркивая алое пятно крови.

Офицер сделал ещё шаг — и увидел его.

Дон Алехандро де Варгас лежал на ступенях, неловко подвернув руку. Из-под левой лопатки торчала рукоять старого ножа.

Полицейский нажал кнопку рации:

— Central. Unidad Tres, tenemos una víctima. Varón de edad avanzada. Herida por arma blanca en la espalda. (*Центральный. Третий экипаж, у нас жертва. Пожилой мужчина. Ножевое ранение в спину.*)

— Recibido, Tres. Enviamos Científica y acordonamos la zona. (*Принято, третий. Направляем криминалистов. Оцепляем зону.*)

Хриплые голоса из раций смешивались с рокотом океана за окнами. Волны продолжали лениво биться о берег, равнодушные к тому, что история дома Варгаса только что оборвалась одним коротким ударом ножа. И что где-то в шкафу, среди пачек бумажных полотенец затаилась тайна.

— Сеньоры, — голос Рауля прозвучал за спинами офицеров мягко, но в нём отчетливо слышался сухой надлом. — Я попросил гостей оставаться в гостиной.

Он чуть дрожащими пальцами привычно поправил манжеты.

Офицеры обернулись синхронно. Тот, что постарше, с широкими, ухоженными усами и взглядом человека, привыкшего видеть многое, смерил взглядом Рауля. Полицейский пах дешёвым табаком и мятной жвачкой — безуспешной попыткой этот табак перебить.

Младший офицер занял позицию у подножия лестницы. Он поставил тяжёлый ботинок на первую ступень. Теперь это была граница между миром живых и местом преступления. Рация на его плече тихо и неприятно потрескивала.

Офицер осторожно коснулся запястья старика. Он подождал несколько секунд, глядя на секундную стрелку своих часов.

— Sin pulso... (*Пульса нет...*) — едва слышно произнёс он и поднялся на одну ступень выше.

Тело лежало неловко, будто Варгас пытался удержаться за перила, но силы оставили его на полпути.

Взгляд офицера переместился на спину убитого.

Лезвия видно не было — оно полностью ушло в плоть под левой лопаткой, точно и беспощадно. На серой ткани домашнего халата расплозлось тёмное пятно.

Офицер наклонился ближе, почти касаясь лицом халата, чтобы рассмотреть детали.

Рукоять была благородной. Потемневшее от времени дерево — возможно, морёный дуб или орех, — тонкая латунная гарда, и едва заметная, стёртая десятилетиями насечка на перекрестии. Это не был кухонный нож, купленный в лавке за углом.

— Не похоже на обычную поножовщину, — тихо сказал офицер.

Усатый офицер, стоявший у подножия лестницы и внимательно осматривавший холл, медленно поднял взгляд.

— Почему ты так решил?

Младший офицер указал пальцем на рукоять, не решаясь коснуться её до приезда криминалистов.

— Посмотрите на работу, сэр. Старый клинок. Тяжёлый. Такие вещи не валяются в ящиках на кухне среди вилок. Это либо коллекционный экземпляр, либо семейная реликвия.

Он медленно перевёл взгляд вверх, туда, где лестница уходила во тьму второго этажа. На светлых деревянных ступенях, словно пунктир, тянулась тонкая дорожка из тёмных капель.

— Его ранили наверху, в кабинете, — заключил офицер. — Он бежал от кого-то, инспектор. Или от чего-то.

Усатый офицер обернулся к Раулю, ещё раз окинув взглядом хол и лестницу.

— Кто обнаружил тело? — голос его был сухим и басовитым. — И сколько всего людей в доме?

Рауль на секунду перевёл взгляд на лестницу, словно ещё раз убеждаясь в очевидном.

— Тело обнаружил мистер Грейсон, — ответил он ровным голосом. — Он и сообщил мне.

Он сделал короткую паузу.

— В доме девять гостей. Плюс персонал — я — управляющий домом, и гувернантка, Луиса.

Он чуть склонил голову и, понизив голос, добавил:

— У дона Алехандро есть дочь. В Кадисе. Нужно ей сообщить о случившемся.

Офицер постарше внимательно посмотрел на Рауля.

— Подождём инспектора, — и, обернувшись к молодому, распорядился — Оставайтесь здесь, Пако. Никого не подпускай.

— Entendido. (Понял.)

Усатый офицер снова повернулся к Раулю.

— Покажите мне мистера Грейсона.

Рауль молча кивнул и зашагал по коридору. Офицер пошёл следом. И его шаги отдавались эхом.

Двери гостиной были прикрыты, но сквозь узкую щель в коридор доносился приглушённый, вкрадчивый шёпот людей, будто осознавших, что смерть не спрашивает приглашения на закрытые аукционы.

Когда Рауль толкнул дверь, разговоры мгновенно оборвались.

Все головы повернулись к вошедшим.

Между креслами и длинным столом замерли люди в вечерних костюмах и платьях. В руках они всё ещё сжимали бокалы с хересом, но золотистая жидкость в хрустале дрожала в такт их сбитому дыханию. Растерянность на их лицах мешалась с тёмным, жадным любопытством. В воздухе висели ароматы дорогого парфюма и крепких сигар.

Офицер обвёл комнату быстрым, цепким взглядом, на секунду задержавшись на каждом присутствующем.

— Сеньоры, — произнёс он спокойно. — Прошу сохранять спокойствие. До особого распоряжения никто не покидает эту комнату.

В зале повисла тишина.

Офицер сделал шаг вперёд. Его ботинки скрипнули по паркету.

В чьём-то бокале тихо звякнул лёд.

— Кто из вас мистер Грейсон?

Глава 4

Старик оказался сильнее, чем он ожидал.

Удар.

Второй.

Два тела, сцепившись в один бесформенный ком, рухнули на ковёр. Кресло глухо опрокинулось. Со стола лавиной посыпались книги, накрывая дерущихся страницами пожелтевшей истории. Лампа качнулась, ударилась о край стола и последовала за креслом, погружая кабинет в сумрак.

Варгас попытался подняться. Нападавший оказался быстрее. Кулак снова обрушился на челюсть старика. Старик одной рукой вцепился в плечо нападавшего. Пальцы судорожно сжали плотную ткань куртки. В тишине кабинета отчётливо, почти оглушительно раздался треск рвущихся швов. Нападавший дёрнулся, пытаясь стряхнуть его, но старик крепко держался за рукав.

Незнакомец выругался и ударил старика в челюсть снова. Мир перед глазами дона Алехандро поплыл, но пальцы... не разжались. Он прижал к груди диск так, словно этот кусок бронзы был его единственным якорем в реальности.

— Отдай... — прошипел вор.

Он рванул артефакт на себя, сдирая кожу о неровные края кораллов, приросших к металлу. На мгновение время застыло — старик и нападавший замерли, глядя друг другу в глаза поверх холодного круга бронзы. И в этот миг в руке Варгаса блеснула сталь.

Старинный клинок.

Старик ударил отчаянно, наотмашь. Лезвие рассекло воздух в миллиметре от горла нападавшего. Незнакомец отшатнулся назад, чувствуя, как холодная сталь едва не лизнула кожу, и стремительно ударил Варгаса по запястью. Клинок отлетел к столу, едва скользнул по ковру и замер.

Новый удар. Ещё один.

Старик застонал и попытался отползти к двери — по разбросанным бумагам, оставляя за собой смятые страницы.

К лестнице.

Нападавший сразу понял манёвр и в один шаг отрезал путь. Ему нужен был диск. Без него возвращаться было нельзя.

— Чёртов старик... — выдохнул он.

Воспользовавшись моментом, Варгас резко выбросил ногу вперёд. Удар пришёлся в колено. Нападавший не удержался и рухнул, не сдержав короткий стон.

Этого оказалось достаточно.

Старик вырвался; буквально кинулся в распахнутую дверь кабинета — к пролёту лестницы, вниз, туда, где безопасно.

И светло.

Нападавший рванул за ним, схватился за халат — но опоздал.

«Если старик спустится вниз — всё пропало».

Вор мгновенно окинул взглядом кабинет. В полумраке он заметил клинок.

Рука метнулась вперёд — почти привычно. Короткий, едва различимый, свист металла. Лезвие вошло под левую лопатку старика легко, почти без сопротивления.

Варгас замер. Не сразу. Он всё ещё прижимал бронзовый диск к груди, но якорь словно уже оборвался. Пальцы судорожно стиснули холодный круг. Старик пытался удержать не металл, а саму жизнь. Он сделал два неуверенных шага вниз. На сером халате проступило

тёмное пятно. Сначала маленькое, почти незаметное. Потом ткань начала темнеть, впитывая кровь.

Ещё шаг.

Варгас оступился. Нога сорвалась со ступени. Он инстинктивно ухватился за перила и тяжело осел. Дыхание сорвалось — рваное, влажное, почти всхлипывающее.

Боль в спине накрыла сразу — тупая, жгучая.

Он попытался подняться, но не смог.

С усилием повернулся на живот и начал ползти вперёд, медленно подтягивая себя руками. Пальцы цеплялись за ступени, перила, срывались, снова находили опору.

Он полз вниз.

К свету.

Но сил уже не хватило. Он остался лежать на боку на нижних ступенях лестницы, неловко подвернув руку и жадно хватая воздух.

По краю ступени медленно расплзалась густая кровь.

Никто ничего не услышал.

Наверху, в густой тени лестничного пролёта, вор замер. Его сердце бешено колотилось, кровь ритмично отдавалась в висках. Он заставил себя сделать медленный, почти бесшумный выдох — паника была непозволительной роскошью.

Он уже намеревался спуститься и вырвать артефакт из слабеющих рук старика, но внизу со стоном подались петли.

Двери гостиной распахнулись.

В холл ворвалась узкая полоса тёплого света. Яркий прямоугольник лёг на белый мрамор пола. И вместе со светом в холл хлынули звуки чужой, беззаботной жизни. Следом бесстрастный голос чётко проговорил:

— Семьдесят тысяч. Благодарю.

Преследователь Варгаса отпрянул в нишу, до боли вжавшись в каменную стену. Тьма поглотила его, оставив лишь узкую щель для обзора.

Теперь он видел всё, сам оставаясь неразличимым пятном. По мрамору раздались шаги — твердые, уверенные. В светлый прямоугольник вошел мужчина. Широкоплечий, высокий, в тёмно-сером костюме, поглощавшем свет. Он двигался быстро, но без суеты. Замер возле Варгаса. Наклонился над тяжело хрипящим человеком, словно пытаясь рассмотреть его лицо.

— Осторожно! Не шевелитесь... Сеньор Варгас...

Его акцент... Сомнений не было — американец! Он произносил согласные с придыханием, которое выдает уроженца Штатов быстрее, чем паспорт в кармане.

— Девяносто тысяч... — донеслось со стороны залитого светом прямоугольника — Кто даст сто?

Тяжёлый, влажный звук, вырвался из груди старика. Отчётливо было видно, как он зашевелил губами.

— Я позову врача, — бегло проговорил американец.

Старик цеплялся за жизнь.

Его рука, испачканная в чём-то тёмном, судорожно поднялась, сжимая диск. Рука резко опустилась вниз, впечатывая грубый металл в ладонь американца. Тот вздрогнул, но не отстранился. Тяжёлый круг теперь сжимала уверенная хватка.

— Encuentre... (*Найдите...*) — прохрипел старик.

Его губы едва шевельнулись, но слова так и не добрались до ниши второго этажа.

— «¡Me sago en sus muelas!»

«Холёный ублюдок... Всё пошло не по плану».

В тишину из дверного проёма гостиной ворвалось:

— Сто десять тысяч... три!

Сухой, короткий удар молотка аукциониста прозвучал оглушительно, словно колокол.

— Продано! Отличный выбор, дон Карлос, — приглушённо, но отчётливо донеслось из гостиной.

Убийца чувствовал, как внутри всё обрывается. Он снова попытался подавить эмоции. В холл вырвался гомон радости, смех и звон бокалов — видимо, праздновали покупку очередной бесполезной древности.

А здесь, на лестнице только что завершилась сделка подороже.

— ...Лот номер три, дамы и господа, — аукцион продолжился.

Американец резко поднялся. Вор увидел, как тот на секунду замер, внимательно оглядевшись вокруг. Взгляд незнакомца на мгновение метнулся вверх, к лестнице (вору показалось, что их глаза встретились). В его руке, покрытой густым багровым гляncем крови, тускло зеленела бронза.

Мужчина развернулся и почти бегом направился вглубь коридора.

Диск ушел.

Вор выдохнул, и тишина в ответ показалась насмешкой. Дьявольское невезение. Пара секунд. Ему не хватило чёртовой пары секунд — и они стали для него непреодолимой пропастью. Он посмотрел на Варгаса. Старик больше не хрипел. Теперь он лежал неподвижно.

Больше не таясь, он метнулся обратно в кабинет. В тусклом сумеречном свете комната, и до того заваленная повсюду книгами и бумагами, сейчас выглядела как место побоища. Рассыпанные страницы, перевернутое кресло, осколки стекла. Он лихорадочно бросил взгляд на стол. Книга. Старая. Раскрытая. Упёршаяся в ножку стола. Гравюра на пожелтевшей странице притягивала взгляд: угольные начертания походили на тот самый диск, который только что забрал американец. Он захлопнул книгу и шагнул к окну. Ручка на удивление бесшумно поддалась нажиму. Створка распахнулась, выпуская наружу незнакомца, чей след на белом мраморе теперь был отмечен багровым клеймом. Он легко перемахнул через массивный кованный парапёт, на секунду завис на руках — мышцы ныли — и разжал пальцы. Приземление было мягким, но он едва сдержал стон, хватаясь за опухшее колено.

Внутри дома миллионеры продолжали торговаться за находки прошлого, а вор уже бежал по тёмной аллее, огибая пятна света от фонарей. Он перевалился через ограду, оказавшись на пыльной обочине. Кедр и пальмы смыкались над головой, скрывая его силуэт от лунного света.

Только когда огни виллы *Casa de las Gaviotas* скрылись за поворотом дороги, он замедлил шаг и достал телефон. Экран вспыхнул, заливая его потное, злое лицо голубым светом. В глазах отражались иконки.

Пальцы дрожали, когда он набирал номер. Гудки были долгими, выматывающими.

— Да, — голос на том конце был слишком спокойным. Слишком холодным.

Вор сглотнул, чувствуя на губах вкус соли и чужой крови.

— У нас проблема. Я облажался.

Воздух словно застыл.

— Я не смог забрать. Случайный человек. Американец... Старик отдал диск ему.

Тишина в трубке стала осязаемой.

— А Варгас? — спросил голос.

Вор обернулся, глядя в сторону виллы.

— Варгас мёртв.

Связь резко оборвалась. Вор опустил руку, глядя вдоль переулочка.

— Ещё и куртку порвал... — пробормотал он недовольно себе под нос.

Время в Фуэнтебравии текло по-особенному — неторопливо и благородно, как выдержанный амонтильядо, созревающий в прохладной тишине бодег.

Сумерки здесь всегда опускались тихо. Солнце давно утонуло в Атлантике, и океан исчез из виду, растворившись в густой синеве. Но его присутствие ощущалось во всём — в липком, просоленном воздухе, в едва уловимой вибрации земли под ногами.

Мягкий шум прибоя, казавшийся далёким шёпотом под пологом деревьев, иногда становился похож на дыхание огромного живого существа.

На безупречной ленте асфальта, зажатой между стеной цветущих олеандров, оградами вилл и небольших отелей, внезапно вспыхнули фары. Их луч выхватил из приглушённого полумрака острые веера карликовых пальм и шапки кустарников. Высоко над дорогой, на фоне глубокой синевы неба, раскачивались в такт бризу мохнатые лапы пиний, подчёркнутые желтоватым светом луны.

Тёмно-синяя, безупречно чистая *Volvo* пронеслась мимо ресторана. Из распахнутых окон на улицу лился тёплый жёлтый свет. Звенели бокалы, звучал смех, а воздух был пропитан уютными запахами: чеснока, жареной на углях дорады и терпкого хереса. На лакированной поверхности тёмного металла на мгновение отразились золотые огни террасы и расплывчатые силуэты людей, поднимающих тосты. Стремительный кроссовер скользнул мимо этого праздника жизни, как хищная тень, и блики тут же погасли, когда автомобиль нырнул за изгиб дороги.

Паула Тахеда не смотрела на ресторан. Её взгляд был прикован к пятну света от фар, которое выхватывало из темноты то рельефный ствол сосны, то ослепительную белизну стен. Вдоль дороги, словно невысокие часовые, тянулись минималистичные столбики уличных фонарей; их мягкий, тёплый свет едва достигал асфальта.

На крутом повороте *Volvo* притормозила. Луч фар на мгновение ослепил одинокого пешехода в тёмной куртке. Тот шёл вдоль дороги, прихрамывая. Вспышка фар на долю секунды скользнула по рваному шву на его плече.

Через несколько секунд силуэт кроссовера снова появился в тусклом свете уличных фонарей — уже у высоких кованых ворот *Casa de las Gaviotas*. Машина мягко остановилась возле них, заполнив светом площадку перед особняком. Фары продолжали гореть, превращая белую пыль на гравии в ковер, над которым бешено пульсировал рой мелкой, настырной мошкар. Тысячи крошечных крыльев создавали иллюзию живого облака, дышащего над поверхностью земли.

Двигатель стих. Дверь водителя открылась первой.

Паула Тахеда вышла из машины без спешки. Тёмный брючный костюм сидел безупречно, словно был частью формы, а не одеждой. Светлые волосы, собранные в аккуратный пучок, не шелохнулись даже под лёгким солёным бризом с океана. Она на мгновение замерла, прислушиваясь — не к звукам, а к самому пространству. Взгляд скользнул по фасаду особняка, по залитым светом окнам виллы. Всё это заняло не больше секунды.

Рядом хлопнула дверь пассажира. Её напарник, Альваро Моралес вышел быстрее, чуть резче, будто пытался нагнать уже заданный темп. Он машинально поправил куртку и оглянулся по сторонам, но Тахеда не обратила на это внимания.

Она нажала кнопку на ключе машины. Щёлкнул центральный замок, фары погасли. Двор на мгновение провалился в темноту, а затем снова проступил — уже в свете, льющемся из окон и невысоких садовых светильников. За коваными воротами стояли машины. Много машин. Тёмные силуэты дорогих седанов, ожидавших своих владельцев.

Прямо у входа в дом замерла патрульная машина *Policía Nacional*. Синие проблески её маячков ритмично скользили по фасаду виллы. Вплотную к ней стоял алый Ferrari. Он выделялся сразу — не цветом, а тем, как он выбивался из общей картины. Слишком яркий. Чужой.

Чуть поодаль, у ограды, в полутени стояли несколько человек. Водители. Они держались вместе, как это бывает у людей одной профессии: кто-то курил, прикрывая огонёк ладонью от ветра, кто-то тихо переговаривался. Их голоса были приглушёнными, осторожными — будто даже они чувствовали, что с этим домом сегодня что-то не так.

Паула Тахеда толкнула калитку. Та поддалась без сопротивления.

Она вошла первой. Водители притихли на полуслове и обернулись к ней. Кто-то торопливо затушил сигарету.

Гравий под ногами отозвался тихим, сухим хрустом. Звук показался громче, чем можно было ожидать — как будто двор сопротивлялся непрошеным гостям. Свет из дома скользнул по её лицу, на мгновение выхватив чёткие, почти безупречные черты: смуглую кожу, тёмные брови и губы, слишком выразительные для её сдержанного облика.

У основания шеи, в вырезе светлой блузки, на короткой цепочке блеснул маленький золотой крестик — почти незаметный, если не смотреть специально.

На крыльце никого не было.

Дверь в дом оставалась приоткрытой. Изнутри лился свет — тёплый, почти уютный, но лишённый жизни. Ни смеха, ни голосов. Только глухое, неразборчивое движение звуков где-то в глубине.

Моралес задержался на секунду, окинув взглядом машины.

— Неплохо здесь ужинают, — пробормотал он.

Тахеда не ответила.

Она уже вошла в дом.

Холл встретил её запахом дорогого парфюма, хереса, сигарного дыма — и крови. Последний запах был едва уловим, но сразу перечёркивал всё остальное.

На лестнице лежал человек.

Тело дона Алехандро де Варгаса застыло на нижних ступенях в неестественно неловкой позе, словно он пытался подняться ещё мгновение назад. Под левой лопаткой темнела рукоять старого ножа. На белом мраморе у подножия лестницы уже застыло алое пятно.

Рядом стоял молодой патрульный в бейсболке. Увидев вошедших, он выпрямился.

— *Señora inspectora. (Сеньора инспектор.)*

Тахеда едва заметно кивнула.

— Пако... Я правильно запомнила? Медики были?

Пако кивнул.

— Да. Только что уехали, сеньора.

Он протянул ей папку с бумагами. Тахеда взяла её двумя пальцами, быстро пролистала. Даты, время прибытия, констатация смерти. Почерк дежурного врача был нервным, будто тот спешил как можно быстрее покинуть этот дом.

— «Странно...» — подумала Тахеда.

— Время? — спросила она, не поднимая глаз.

— Около девяти часов.

Она закрыла папку и вернула её патрульному.

— Кто вас встретил?

— Управляющий. Рауль. Он с гостями в гостиной, — быстро отчитался Пако.

— Кто ещё с гостями?

— Хави... — патрульный осёкся. — Простите. Хавьер Кинтана.

Тахеда перевела взгляд на лестницу.

Не на тело.

Выше.

Туда, где полумрак второго этажа уже начинал густеть, превращаясь в самостоятельную субстанцию.

— Здесь всё трогали? — спросила она.

— Нет, сеньора инспектор. Только медики. И мы... пульс проверили, когда вошли.

— Хорошо.

Слово прозвучало тихо и так ровно, что в нём не было ни одобрения, ни упрёка. Лишь констатация: пока ошибок не сделали.

Она поднялась по лестнице. Кровь на ступенях уже теряла влажный блеск. На светлом дереве она выглядела густой, почти чёрной. Наверху было темнее. И заметно холоднее.

Дверь кабинета оставалась распахнутой. Комната вспыхнула под светом включённого абажура — жёстким и беспощадным.

Погром.

Опрокинутое кресло. Сдвинутый стол. Книги на полу. Рассыпанные листы. Осколки у ножи стола. Шторы дрожали от ветра.

Сначала взгляд обошёл всё целиком. Потом — ещё раз, но уже по частям.

Кресло.

Ковёр.

Стол.

Пол.

Окно.

Следы борьбы были повсюду, но при этом сам хаос не выглядел слепым. Здесь не громили комнату ради ярости. Здесь боролись. Быстро. Жёстко. Почти профессионально.

Тахеда шагнула внутрь. Под подошвой тихо хрустнуло стекло. Она подошла к столу. Провела взглядом по разлетевшимся книгам, по открытым страницам, по смятым листам, словно пытаясь нащупать логику разрушения.

Затем медленно повернулась к окну. Створка была приоткрыта. За ней чувствовалось дыхание ночи. Тахеда раздвинула шторы и вышла на балкон. Под балконом не было ни машин, ни мощёного двора — только тёмный газон, чуть серебрившийся от лунного света, и густой сад. Кусты, кедры и пинии. Всё это мягко спускалось к ограде, за которой уже начиналась улица. С такой высоты прыжок был неприятным. Но не смертельным. Она ухватилась за холодный кованный парапет и посмотрела вверх.

Под карнизом, справа от балкона, висела камера. Инфракрасная подсветка не светилась. Тахеда слегка прищурилась. Потом перевела взгляд дальше — к линии ограды. Там, на углу, над садовым светильником, виднелась другая камера. Паула вернулась в кабинет, ещё раз скользнула взглядом по разбросанным книгам. Когда она спустилась вниз, Рауль уже ждал её у лестницы — прямой, собранный, как метрдотель, который по ошибке оказался в центре убийства.

— В доме есть система видеонаблюдения? — спросила Тахеда.

— Да, сеньора инспектор.

— Записи.

Он кивнул сразу.

— Пройдёмте.

Они пересекли коридор. Моралес шёл следом, не задавая вопросов. Он уже понял по её молчанию, что она что-то нашла. Или почти нашла.

Небольшая комната охраны находилась за кухней. Пахло кофе и пылью от давно работающего видеорежистратора. На стене висел телевизор. На экране несколько прямоугольников. Один показывал двор перед виллой. Второй — террасу. Третий — ворота. Четвёртый был чёрным.

Рауль сел к панели управления.

— Вот эта камера... балкон, — сказал он и коснулся клавиши.

Чёрный экран не изменился.

— Не работает? — спросил Моралес.

Рауль нервно провёл языком по губам.

— Похоже... да.

Тахеда не повернула головы.

— Когда перестала?

— Не знаю.

— Дальше, — бросила она. Голос звучал сухо и механически.

Рауль переключил запись на камеру у ограды. На мониторе появился двор. Тусклый свет. Газон. Тени деревьев. Несколько секунд — ничего.

Затем движение.

Фигура мужчины быстро пересекла нижнюю часть кадра. Тёмная куртка. Резкий, почти звериный ритм бега. Он не оглядывался. Просто нырнул к ограде, ухватился за верхний край, легко, слишком легко перемахнул через неё и исчез за пределами обзора.

— Стоп, — тихо сказала Тахеда.

Кадр замер. Напарник наклонился ближе. Тахеда смотрела не на лицо — лица почти не было видно. Она смотрела на плечо. На тёмной ткани отчётливо белел длинный, рваный след. Несколько секунд в комнате никто не двигался.

Рауль перевёл взгляд с монитора на инспектора.

— Вы знаете его?

Тахеда не ответила сразу.

Её взгляд не отрывался от замершей фигуры на экране. Потом она очень медленно выпрямилась. И произнесла почти шёпотом:

— Мы его уже видели.

Глава 5

Он сидел в кресле в углу гостиной — в том самом, из которого всего полтора часа назад поглощал борьбу за пектораль. Рядом, в соседнем кресле, сидела она. И что-то говорила — негромко, о Кадисе. О том, что с воды он по-настоящему красив.

Комната почти не изменилась. Те же лица. Те же бокалы. Только теперь никто не пил. Херес застыл. И золотистая жидкость казалась густой, почти неподвижной. Разговоры схлопнулись до едва слышного шёпота. Грейсон не сразу понял, в какой момент тишина стала другой. Не той, что возникала между ставками аукциона, а той, что приходит, когда люди начинают чувствовать запах беды.

Дверь открылась. Сначала вошёл Рауль — всё такой же поджарый, безукоризненно прямой, в своём безупречном костюме. Но его привычная учтивость теперь была лишь плохо подогнанной маской.

За ним вошли двое. Женщина и мужчина.

Женщина остановилась на пороге, внимательно обвела взглядом пространство гостиной. Светлые волосы собраны в пучок. Лицо — спокойное, почти безэмоциональное. Взгляд оливковых глаз — хирургически холоден. Мужчина за её плечом — тёмноволосый, широкоплечий, с лицом, не знающим ни спешки, ни сомнений, — смотрел на гостей так, словно уже подбирал каждому номер в картотеке.

Женщина сделала шаг вперёд.

— Паула Тахеда, старший инспектор Policía Nacional, — спокойно представилась она.

— Альваро Моралес, — коротко добавил мужчина, стоявший позади.

Никто не ответил.

Гости смотрели на них с тем немым протестом, с каким смотрят на врачей, пришедших сообщить плохой диагноз. Старик с кустистыми бровями не выдержал первым:

— Простите... — голос его дрогнул, он тут же попытался вернуть ему твёрдость. — Сколько нас будут здесь держать? Что, собственно, происходит?

Тахеда не удостоила его даже взглядом. Она смотрела только на Грейсона. Слишком точно. Сверяя реальность с каким-то образом из памяти.

— Мистер Грейсон, — произнесла она наконец. — Пройдёмте с нами.

В комнате стало слышно, как тает лёд в смоле хереса. Грейсон поднялся. Кресло предательски скрипнуло в абсолютной тишине. Он поправил манжет и пошёл к выходу. Моралес пристроился сбоку — не торопя, но и не оставляя выбора.

У двери Хави едва заметно выпрямился.

— Сеньора инспектор, — он отвесил почтительный поклон.

В уголках его глаз плясала тень улыбки. На долю секунды он задержал на ней взгляд и едва заметно подмигнул. Уголки губ Тахеды дрогнули — микроскопический сбой в системе — шага она не замедлила.

Дверь закрылась, отсекая гостиную. Они миновали холл, и теперь шли по залитому светом коридору. Здесь не было ни картин, ни антиквариата. Только голая штукатурка и отсутствие случайностей.

— Вы давно в Испании, мистер Грейсон? — спросила Тахеда, не оборачиваясь.

Голос был спокойным. Без нажима. Почти нейтральным. Почти. Грейсон помедлил с ответом. Его интересовал не вопрос, а то, что стояло за ним.

— Несколько дней.

— Туризм?

— В некотором роде.

Она слегка кивнула. Не ответу. Тому, как он был подан. Грейсон это уловил.

Тахеда толкнула дверь справа. Запах ударил сразу. Вязкий, сытный — рыба, копчёности, специи, жир, херес. Он будто не просто стоял в воздухе — он заполнял его, вытесняя всё остальное. Кухня была залита разноуровневым, белым светом. После мягкого света холла он казался враждебным. Слишком честным. И слишком открытым.

— Садитесь.

Стул был низким, неудобным. Колени уперлись в боковую стенку стола. Невольный наклон вперед. Грейсон отметил: позиция подчиненная. Продумано.

Тахеда осталась стоять. Моралес замер у двери, перекрывая выход. Грейсон не повернул голову, но ясно чувствовал его присутствие. Позади в раковине сорвалась капля воды. Звук показался непропорционально громким.

— Дон Алехандро де Варгас мёртв, — сказала инспекторша.

Здесь, среди кастрюль и запаха запечёной рыбы, это прозвучало грубо. Без зрителей. Без декораций. Буднично.

— Я видел.

Он сказал это спокойно. Возможно, слишком спокойно. В горле пересохло. Тахеда не изменилась в лице.

— Рассказывайте.

Он на мгновение перевёл взгляд на стол. На нож. Тонкий блик света на лезвии. Потом обратно на неё.

— Я вышел из гостиной. Сделал несколько шагов. Увидел тело на лестнице и лужу крови у подножия, — он говорил ровно, почти механически.

— И вы сразу поняли, что он мёртв?

Вопрос прозвучал мягко. Но за ним было что-то ещё. Он почувствовал это.

— Да.

— Почему?

Он позволил себе выдержать паузу. Ровно столько, сколько нужно для «естественности».

— Я... видел подобное раньше.

Он не отвёл взгляд — и понял, что она это зафиксировала.

— Вы проверили?

— Пульс.

— Где?

— На шее.

Она кивнула. Слишком уверенно.

— И?

— Ничего.

Кухня погрузилась в жгучее молчание. Запах еды стал почти невыносимым. Или он просто стал обращать на него ещё больше внимания.

— Вы прикасались к нему, — сказала она.

Не вопрос — он это понял сразу.

— Да.

— Зачем?

Он чуть подался вперед. Неосознанно.

И тут же заставил себя остановиться.

— Потому, что человек лежит на лестнице, — сказал он. — И я хотел убедиться, что он мёртв.

Где-то у двери Моралес тихо выдохнул. Тахеда обошла стол. Медленно. Теперь она была сбоку. Не полностью в поле зрения. Это было неудобно. И, вероятно, задумано.

— Обычно в таких ситуациях люди сначала зовут на помощь, — сказала она.

Грейсон почувствовал, как внутри что-то сжалось. Ответил он не сразу.

— Я позвал.

— Кого?

— Управляющего. Рауля.

— Сразу?

Вот здесь он уже был осторожнее.

— Почти.

— Интересно...

В воздухе словно разразилась буря — никак себя не выдавая.

— Почти? — повторила Тахеда.

Он выдержал её взгляд.

— Я... сначала убедился.

— В чём?

— Что он действительно мёртв.

Тахеда наклонила голову.

— Вы всегда моете руки прежде, чем сообщить об убийстве? — в её голосе проступил интерес. Почти человеческий.

Удар был ювелирным. Грейсон почувствовал, как внутри на долю секунды сбился ритм. Он не ждал, что она выложит этот козырь так рано. Без нажима. Без обвинения. Просто как факт.

Он медленно выдохнул, глядя на свои чистые ладони.

— Кровь уже была на ступенях... Я случайно испачкался.

Он сделал паузу, и продолжил:

— Я не хотел всё заляпать кровью.

— Любопытно, — тихо произнесла Тахеда. — Большинство людей в такой ситуации об этом не думают.

Кейд замолчал. На этот раз пауза была долгой. Он смотрел прямо ей в глаза.

— Я не большинство.

Это прозвучало ровно. Слишком ровно. Он понял это поздно.

Тахеда выпрямилась. Сделала шаг назад, возвращая ему личное пространство, но не возвращая доверия.

— В этом я уже начинаю убеждаться, — сказала она и коротко взглянула на Моралеса. — Пока — достаточно. Вы можете вернуться к остальным гостям.

Грейсон медленно выпрямился и шагнул в сторону двери. За его спиной очередная капля воды звонко ударила о раковину.

Моралес отступил в сторону, но свой пост не покинул.

Американец пересёк порог кухни и, не оборачиваясь, зашагал в сторону холла. Его шаги глухо отозвались в коридоре.

Тело Варгаса всё ещё лежало на лестнице.

Он замедлил шаг. Не из-за тела. Из-за света.

Тот же холл, те же стены — но теперь всё выглядело иначе. Как декорация, в которой уже произошёл сбой. Грейсон остановился у подножия лестницы.

Варгас лежал так же, как он его и оставил.

Кровь уже начала темнеть. Лужа потеряла тот влажный блеск, который бывает у свежей. Теперь она выглядела плотной, вязкой. Почти неподвижной.

Грейсон задержал взгляд на ступенях.

На траектории.

На том, как тело оказалось именно здесь.

Он не наклонился. Не приблизился.

Просто смотрел.

— Señor...

Грейсон перевёл взгляд.

Офицер в тёмно-синей форме с надписью «Policía Nacional» стоял чуть в стороне. Очень спокойно. Но в его голосе появилась твёрдость.

— Вам лучше пройти в гостиную, — сказал он вежливо.

Грейсон кивнул. Отвернулся. И направился именно туда.

Дверь кухни почти закрылась. Шаги Грейсона ещё звучали — глухо, удаляясь по коридору, пока окончательно не растворились в глубине дома. Дверь мягко, почти извиняясь, встала на место. Тишина вернулась на кухню мгновенно. Тахеда осталась неподвижной.

— Он нам солгал.

Моралес не сразу ответил. Он стоял у двери, всё ещё глядя в ту пустую точку, где секунду назад был человек.

— Я тоже это почувствовал, — сказал он наконец.

Он медленно перевел взгляд на Тахеду.

— В чём? — спросил он.

Тахеда оперлась ладонями о край стола и чуть подалась вперёд, понизив голос.

— Не в словах, — сказала она.

Моралес чуть усмехнулся, хотя глаза его оставались холодными.

— Он слишком аккуратен?

— Нет, — она покачала головой. — Не то.

Она остановилась.

— Он врёт не там, где врут обычно.

Моралес нарушил тишину, чуть сдвинувшись с места и сколыхнув неподвижность запаха еды.

— Думаешь, он был рядом в момент удара?

Тахеда подняла взгляд, и Моралес увидел в её глазах странный азарт.

— Думаю, он оказался возле тела раньше, чем говорит. И у него было время подумать.

Она обвела взглядом кухню и на мгновение задержалась на ноже, лежащем на краю стола.

Блеск стали отразился в её глазах.

— Он не испугался.

Моралес чуть нахмурился, словно примеряя её слова на себя.

— Бывает.

— Бывает, — согласилась она. — Но тогда люди делают глупости. А он — нет.

Она медленно провела кончиком пальца по кромке стола. Не касаясь ножа, но проходя так близко, что между кожей и лезвием едва ли остался миллиметр.

— Он выбрал, что сказать. И, что важнее, выбрал, о чём умолчать.

Моралес скрестил руки на груди, прислонившись к дверному косяку.

— Ты про кровь?

— Не только.

Она подняла взгляд.

— Он сказал, что «видел подобное раньше».

— И?

— И сразу понял, что Варгас мёртв, — она посмотрела на свои ладони, словно чувствовала, как под кожей бежит кровь. — Но всё равно проверил пульс.

— Что в этом такого?

Капля воды ударилась о металл раковины.

— Как человек, который уже бывал рядом с таким... — словно не услышав его вопроса, продолжила она едва слышно.

Моралес медленно кивнул.

Гостиная встретила его тишиной. Не пустой — насыщенной, как густой туман перед штормом.

Где-то тихо скрипнуло старое кресло. Кто-то неловко поправил рукав — ткань сухо шелестела в неподвижном воздухе. С улицы доносились приглушённые голоса — водители весело что-то обсуждали, и этот далёкий, живой смех казался словно из другой жизни.

Никто не смотрел на него прямо. Но все знали, что он вошёл.

Грейсон сделал несколько шагов. Кресло, где сидела она, оказалось пустым. Он нашёл её взглядом — у окна.

Тот же силуэт. Те же камни на шее, в которых тогда, во время аукциона играл и искрился тёплый свет софитов. Чёрное платье. Волосы убраны назад, открывая безупречную, смуглую линию шеи. Тёмные изумруды больше не отражали свет. Теперь они его поглощали.

Он беседовал с ней всего несколько минут назад. Но сейчас что-то было иначе. Она смотрела на него в упор. Не скрываясь. Не отводя взгляда.

Грейсон задержался на долю секунды, выравнивая дыхание, прежде чем сделать шаг в её сторону.

— Вы были там, — сказала она, кивнув в сторону двери, возле которой стоял офицер полиции.

Он остановился в шаге от неё, уловив едва заметный аромат — бергамот, жасмин и мандарин — скользящий сквозь воздух.

— Был.

Где-то за его спиной снова едва слышно скрипнуло кресло. Кто-то прокашлялся.

Она чуть наклонила голову, изучая его лицо.

— И?

Он посмотрел на неё внимательно.

Теперь он видел в ней переменную в уравнении, которое не сходилось.

— Дон Алехандро мёртв, — прошептал он так, чтобы никто другой не услышал.

— Я догадалась, — также шёпотом ответила она. Без тени страха.

С улицы донёсся обрывок фразы. За окном, у ворот виллы на мгновение вспыхнуло пламя зажигалки.

— Я имела в виду другое, — продолжила она.

Он чуть прищурился.

— Что именно?

Она не ответила сразу. Она просто смотрела на него, и в этом затянувшемся молчании Грейсону почудилось что-то до боли знакомое.

— Смерть, кажется, совсем не выбила вас из колеи, мистер Грейсон.

Тишина между ними стала плотнее. Грейсон позволил себе едва заметную улыбку.

— А вы, кажется, из тех, кто замечает слишком много.

Уголок её губ дрогнул.

— Это несложно.

— Для вас?

— Для тех, кто смотрит, — сказала она.

Он перевёл взгляд на её колье. На камни. Будто пытался сосчитать их.

— Интересный выбор украшения для такого вечера.

Она на секунду коснулась изумрудов.

— Украшения... — очень тихо сказала она. — С ними проще. Они не притворяются.

Он снова посмотрел ей в глаза.

Она отвела взгляд первой. Всего на мгновение. Но этого было достаточно.

Дверь резко распахнулась, и в проём вошла Паула Тахеда. За её спиной вновь стоял Моралес.

— Похоже, нам снова не дают договорить, — тихо сказала Елена.

— Мы вернёмся к этому, — так же тихо ответил Грейсон.

Тахеда обвела взглядом присутствующих. У окна она увидела знакомый силуэт и задержала на нём взгляд.

Чуть дольше, чем позволяла формальная вежливость.

Затем направилась к нему.

Она шла почти беззвучно; в её походке было что-то кошачье, но каждый раз, когда каблук встречался со старинным паркетом, в тишине возникал глухой, точный отклик.

Звук не расходился по комнате — он уходил глубже, под кожу.

— Мистер Грейсон, — сказала она спокойно. — Вам придётся проехать с нами в участок. Для протокола.

Её тон не оставлял ни единого шанса на возражение — это была не просьба, а констатация неизбежности. Грейсон посмотрел на неё. Прямо, не отводя глаз.

Затем его взгляд скользнул мимо Тахеды — к Елене.

На мгновение их взгляды снова пересеклись, сцепились в немом диалоге.

В этом взгляде не было вопроса. И не было ответа.

Лишь сухая, почти математическая фиксация новой реальности.

Он едва заметно выдохнул через нос, усмиряя короткую вспышку разочарования, и кивнул:

— Разумеется.

Он развернулся и, не дожидаясь инспектора, пошёл к выходу. Хави всё так же стоял у двери — ровно, расслабленно, с тем самым отсутствующим лицом. Казалось, за всё это время он не сдвинулся ни на миллиметр, превратившись в часть дверного проёма.

Тахеда двинулась следом.

— Avenida de Andalucía, veintiocho, Cádiz, — сказала она, не оборачиваясь.

Фраза прозвучала тихо — но с той же окончательностью.

— Пако едет с вами.

Пако, до этого застывший у подножия лестницы, наконец оторвался от созерцания места преступления. Он на секунду задержал взгляд на теле, затем — на Грейсоне, словно мысленно выстраивая между ними траекторию, и молча двинулся к выходу.

Дверь распахнулась.

Внутри мягко вошёл вечер — прохладный, солёный, с запахом моря и камня, ещё хранившего дневное тепло.

Он не ворвался.

Он просто оказался здесь.

Вместе с ним в холл просочился надрывный, сухой стрёкот сверчков. Он пульсировал в густых зарослях олеандра и гибискуса, наполняя ночной воздух ровной, почти осязаемой вибрацией. Этот звук был плотным, ритмичным — как электрический фон, подчёркивающий зловещую тишину в доме.

Как напоминание о том, что за пределами этого дома мир не остановился.

Небо не было тёмным — в нём оставалась выцветшая синева, уходящая к горизонту. Где-то за домом глухо рокотал невидимый прибой, отползая во тьму.

В вышине уже виднелись редкие крупные звезды — они не вспыхнули сразу, а проступили сквозь ткань приближающейся ночи.

Но сюда, во двор, небесный свет почти не доходил. Тусклая подсветка двора мягко выхватывала гальку и края плит, мягко ложилась на выстроившуюся под кедрами шеренгу машин, цеплялась за острые углы стекол.

Свет был искусственным. Контролируемым.

И от этого — более убедительным.

Грейсон на мгновение задержал взгляд.

Не на небе.

Здесь.

На этих замерших, послушных силуэтах. На том, что имело ясные границы.

Чёткие. Без искажений.

Затем перевёл взгляд на свою алую *Ferrari*.

Здесь, в искусственных сумерках, она ловила редкие отблески и возвращала их обратно — глухо, сдержанно, будто нехотя. Её кузов отливал темным, выдержанным вином, в котором свет не отражался, а тонул, просачиваясь сквозь слои безупречного лака.

А прямо рядом, нарушая эти выверенные линии, стоял запыленный патрульный *Citroën*. Белый с синим, но сейчас почти серый.

Проблесковые маячки были выключены.

У ворот, возле тёмно-синей *Volvo*, стояли водители.

Теперь они молчали.

Один поднял руку — и на секунду вспыхнул огонёк сигареты.

Лицо вынырнуло из полумрака. И тут же исчезло обратно.

Он выпустил струю дыма; солёный бриз тут же подхватил её и потянул вдоль ограды.

И в этот момент во двор въехал фургон.

Белый. С синей полосой.

«POLICÍA CIENTÍFICA».

Криминалисты. Те, кто не задаёт вопросов.

Фургон двигался без спешки.

Как что-то, что приходит не вмешиваться — а фиксировать.

Грейсон задержал взгляд на надписи.

На секунду.

И отвернулся.

Дорога вилась вдоль вилл, тонула между отелями. В воздухе на мгновения проявлялся сладкий запах жасмина — густой, почти тёплый. И быстро исчезал.

Патрульный *Citroën* шёл ровно, с тем специфическим, уверенным гулом дизельного мотора, который не терпит суеты.

В салоне пахло дешёвым табаком, мятной жвачкой и несвежим кофе — запахом долгого дежурства.

Снаружи, за пеленой сумерек, медленно проплывал Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария. Город не приветствовал. Он просто тянулся вдоль шоссе чередой низких белёных домов, выцветших вывесок и редких фонарей.

Где-то в стороне мелькнула открытая терраса с ещё занятыми столиками.

Внутри машины сохранялась тишина. Пако держал руль обеими руками, сосредоточенно глядя на дорогу. Хави рядом рассеяно глядел вперёд, время от времени отпивая из бумажного стаканчика давно остывший кофе.

Рация молчала, лишь изредка выдавая тихий статический треск. Это молчание не было тяжёлым — оно было привычным, рабочим и отстранённым.

Справа, за невысоким ограждением, уже тянулась вода залива — почти чёрная. Отражения фонарей растягивались в длинные, размытые полосы.

Слева, у линии берега, проступали огни доков — яркие и неподвижные. Краны и конструкции читались силуэтами, будто их вырезали из темноты.

Мост *Puente de la Constitución de 1812* поднимался плавно, почти незаметно. Но воздух изменился — стал чище, с солёной примесью открытой воды.

Грейсон чуть повернул голову.

На высоте движение ощущалось иначе — будто машина шла не по дороге, а над ней.

Ветер коротко ударил в бок.
Кузов едва заметно отозвался.
Пако чуть сильнее сжал руль.
Грейсон на секунду опустил взгляд.
Достал телефон.

Экран коротко вспыхнул в полумраке салона. Он набрал несколько слов. Без имени. И отправил сообщение.

На секунду замер.
Затем он написал второе.
В этот раз — медленнее.
И подписался.
Экран погас.

Кадис открылся впереди не сразу — сначала свет. Плотный, тёплый, собранный в ковёр натриевых ламп. Город не распался на огни — он держался цельным пятном, растянутым вдоль воды.

Через минуту огни впереди развернулись шире, распались на улицы, на отдельные линии, на редкие движущиеся точки. Город больше не выглядел цельным — он становился подробным. Прохожие, смех, откуда-то едва различимо донеслась музыка.

Citroën свернул с магистрали, нырнул в узкий переулок. Пако аккуратно вписался в поворот, вывел машину на небольшую площадку перед зданием участка и остановился.

Свет здесь был другим. Не тёплым — белым и ровным.
Двигатель ещё секунду держал ровный гул — и затих.
Хави вышел первым, не торопясь обошёл машину и распахнул заднюю дверь.
— Сеньор.

Участок встретил таким же холодным белым светом, запахом пота и пыли.
Пако подошёл к стойке.

— Свидетель, — бросил он, кивнув головой в сторону Грейсона.
Дежурный поднял взгляд, быстро глянул на него и потянул к себе журнал.
— Документы.

— В машине, — не сразу ответил Грейсон.

Дежурный на мгновение задержал взгляд, затем посмотрел на Пако. Тот коротко кивнул, уже не глядя на него.

Хави достал телефон и отошёл чуть в сторону, ближе к стене.

Гудки тянулись ровно и безразлично.

Грейсон поднял взгляд. Под потолком, возле пластикового плафона, жужжала муха. Она билась в свет — мягко, настойчиво, как будто снова и снова возвращалась в одно и то же место.

— Сеньора инспектор, — тихо сказал Хави, — его документы в машине.

Он слушал, облокотившись локтем о стену. Ничего не переспрашивал.

Муха снова ударилась о пластик и на секунду замерла, затем продолжила своё бесполезное движение.

— Да... понимаю.

Короткая пауза.

— Хорошо.

Он убрал телефон, вернулся к стойке и посмотрел на Пако. Тот встретил взгляд спокойно, как будто ответ уже был известен заранее.

Дежурный закрыл журнал, не задавая больше вопросов.

— Придётся подождать.

Процедура в участке прошла по тонкой грани между вежливостью и конвоированием. Грейсон оставался «ценным свидетелем», но телефон и часы пришлось оставить в сейфовой ячейке у дежурного.

— Для обеспечения чистоты протокола и исключения внешних контактов, — вежливо пояснил Хави.

Его проводили в небольшую, стерильно чистую комнату в глубине здания. Здесь не было решёток, но тяжёлая дверь закрывалась плотно. У стены стояла узкая кушетка, обтянутая серым дерматином.

Грейсон остался один.

Воздух стоял неподвижно — с запахом чего-то застоявшегося.

Он снял пиджак. В тишине участка звук ткани, скользящей по плечам, показался странно звенящим. Он аккуратно сложил его, превращая в подобие подушки, и лёг на жёсткую, серую поверхность, закинув руки за голову.

Потолок комнаты был испещрён мелкими трещинами. Грейсон смотрел на них, но видел план виллы *Casa de las Gaviotas*.

В его голове разворачивалась работа криминалистов.

«Они зашли через главный вход».

Он почти видел, как синее свечение расползается по ступеням лестницы.

Он знал, что они найдут капли крови, ведущие от тела к кабинету на второй этаж.

Он вспомнил, как рассказал Тахеде про пульс. «Легализация присутствия» — первый урок в академии. Если не можешь скрыть след, сделай его частью официальной версии.

Затем его разум переместился в уборную.

«Сифон».

Техники в белых комбинезонах обязательно раскрутят слив. Они найдут микрочастицы крови Варгаса, смешанные с мыльной пеной. И его следы. Ожидаемо. Слишком очевидно, чтобы быть уликой, но достаточно, чтобы Тахеда не сводила с него глаз.

Грейсон прикрыл глаза. Самое важное было впереди.

Он представил, как группа добирается до шкафа. Где среди одинаковых коробок есть одна особенная. Внутри, на самом дне под бумажными полотенцами — бронзовый артефакт.

«Алгоритм обыска», — диктовал внутренний голос.

Криминалисты ищут биологию и орудие убийства. Шкаф в уборной проверят обязательно. Они откроют дверцы и увидят одинаковые коробки, бойлер, трубы. Обычный хозяйственный шкаф.

Грейсон замер, прислушиваясь к гулу крови в ушах.

Здесь вступала в силу психология обыска.

Для криминалиста четыре одинаковых коробки в шкафу — это «шум». Если бы коробка была одна — она бы кричала. Если бы они были разными — проверили бы одну из них. Но четыре близнеца, стоящих друг на друге, сливаются в одно целое. Это норма для такого дома.

«Они не будут их открывать».

Грейсон почти видел, как луч фонарика проходит мимо его тайника, не задерживаясь ни на долю секунды.

«Они ищут кровь. А коробки сухие».

Единственная опасность — Тахеда. Она не ищет биологию. Она ищет аномалии. Если бы она знала, сколько минут он пробыл в этой уборной... Но она не знала.

Грейсон глубже зарылся головой в пиджак. Он сделал всё, что мог. Он спрятал древний кусок бронзы не там, где его трудно найти, а там, где его неинтересно искать.

Где-то далеко, за стенами участка, за ночными улицами Кадиса, по-прежнему ворочался океан.

Грейсон сделал глубокий вдох и заставил своё сердце замедлить ритм.

Тишина комнаты сомкнулась.

Глава 6

Лязг засова ударил по барабанным перепонкам раньше, чем мозг успел обработать этот звук.

Грейсон не вздрогнул. Он просто открыл глаза. Свет в комнате ожидания сменился с мертвенно-белого на мутный серо-голубой. Рассвет просачивался сквозь узкое окно, не принося тепла.

Паула Тахеда вошла. Удары её каблуков отдавались эхом в этой небольшой комнате. Под мышкой — жёлтая папка. В руках — два пластиковых стакана, от которых шёл пар. Моралеса в этот раз с ней не было. Это было непривычно.

— Поблизости трудно найти приличный кофе в семь утра, — бросила она вместо приветствия.

Она протянула ему стакан. Пластик обжигал пальцы, запах был резким и пережаренным. Грейсон сел. Правой рукой подхватил свёрнутый пиджак с кушетки, расправил его и положил на колени.

— Благодарю, — сказал он.

Сделал глоток. Кофе оказался именно таким, каким и должен быть в таких местах — горячим, грубым и слишком крепким. Не для вкуса. Для функции.

Тахеда наблюдала. За ним. За тем, как он проснулся.

— Поедем, — сказала она без пояснений.

Он кивнул, поставил стакан на край стола и поднялся. Помедлив, накинул пиджак на плечи — будто возвращал себе форму.

Улица встретила их прохладой.

Этот рассвет в Кадисе не вспыхивал — он вырисовывался. Серо-голубой свет ложился на дома, стирая резкие контуры и превращая город в мягкую, почти акварельную тень самого себя. И только фасады старых зданий, выхваченные первыми лучами, вдруг загорались тёплым, золотистым цветом — словно янтарный херес в бокале. Купола и башни над крышами вспыхивали на секунду ярче, чем всё остальное, прежде чем снова раствориться в дымке залива.

Volvo стояла у тротуара. Тёмно-синяя, безупречно чистая.

Тахеда обошла машину и открыла водительскую дверь.

— Говорят, ваши документы остались в машине. — Она села, потянувшись к кнопке запуска. — Покажете на месте, что видели вчера.

Мотор завёлся с тихим, уверенным дизельным гулом. Грейсон не ответил. Сел рядом. Машина тронулась почти сразу.

Кадис просыпался. Не резко — постепенно, будто осторожно возвращаясь к жизни после короткой передышки. На открытых террасах официанты расставляли лёгкие столики, сдвигали стулья, звенели посудой. В воздухе начинал проступать тёплый запах кофе и свежей выпечки — насыщенный, почти осязаемый. По узким улицам тянулись первые прохожие. Кто-то шёл быстро, уткнувшись в телефон. Кто-то — медленно, ещё не до конца проснувшись. На лавочке у перекрёстка дремал мужчина, закутавшись в куртку и не реагируя на звуки ближайшего кафе.

Со стороны причалов доносился гомон чаек. Свет светофоров растворялся в глубине улиц и переулков, тускло отражаясь в витринах.

Никто не говорил.

Грейсон поймал себя на мысли, что считал повороты.

Volvo мягко шла по дуге Моста Конституции. Грейсон смотрел в окно на залив, и на мгновение серо-голубой свет рассвета в его памяти вспыхнул багрянцем. Он вспомнил даже не ночную поездку в патрульном *Citroën*, а вчерашний тёплый вечер. Как он нёсся по шоссе в

сторону *Casa de las Gaviotas*. Тогда солнце висело низко, превращая лобовое стекло *Ferrari* в расплавленное золото, а ветер с океана не предвещал беды.

Он и подумать не мог, чем закончится тот вечер.

«Диск всё это время лежал в коробке среди бумажных полотенец, в нескольких шагах от людей, которые собирали улики».

Тогда он был охотником. Сейчас — пассажир в безупречно чистой машине инспектора.

Volvo выехала на шоссе. Дорога огибала Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария — без светофоров, без остановок. Слева и справа — невысокие дома, редкие открытые террасы. Всё это было приглушено расстоянием. Тахеда держала скорость. Шины шуршали по асфальту, сливаясь с гулом ветра.

Грейсон смотрел вперёд.

Тот же участок дороги. Только в другую сторону. И это было хуже. Вечером здесь было иначе.

Шоссе мягко изогнулось. Они проехали очередную развязку, и из-за крон деревьев, высаженных вдоль шоссе, появились крыши вилл. Над дорогой мелькнул указатель «Sanlúcar de Barrameda». *Volvo* миновала его, не снижая скорости. Машина ехала туда, где всё началось. Через несколько минут Тахеда сбросила скорость и свернула с трассы. Застройка начала меняться. Живые изгороди. Пальмы. Белые фасады, невысокие стены, закрытые ворота. Отели и виллы выстраивались вдоль дороги, словно расставленные декорации. Здесь не было суеты города — только утренний свет, запах океана и ощущение пространства.

Фуэнтебравия.

Поворот был знакомым. Он узнал его почти сразу. В конце переулка возникли знакомые кедры. Дальше он уже не сомневался. Кованые ворота были открыты. На этот раз *Volvo* въехала во двор и замерла бок о бок с белой машиной без опознавательных знаков.

Тахеда вышла первой. Грейсон — следом. Под ногами захрустел влажный гравий. Воздух здесь был на пару градусов прохладней, чем в городе.

— Уже здесь? — Тахеда обошла свою машину и оказалась возле белой *Skoda*. От капота ощущалось тепло.

Моралес стоял рядом, сжимая в руке термокружку с кофе. Он чуть повёл плечом, будто стряхивая остатки утреннего сна.

— Подъехал минут десять назад.

Он кивнул на распахнутую дверь виллы, которая казалась тёмным провалом в белом фасаде.

— Основное сняли. Заканчивают.

— Поняла, — бросила Тахеда и, не дожидаясь пояснений, направилась ко входу.

Моралес выдохнул и привычно последовал за ней.

— Дочь Варгаса. Она уже едет сюда.

Тахеда на секунду замедлила шаг. Но не остановилась.

Во дворе стало заметно пусто. Вчера здесь теснились машины гостей — плотный ряд лакированных кузовов, отражавших тёплый свет садовых фонарей. Чёрный, белый, глубокий синий — цвета переливались в том искусственном сиянии, превращая двор в витрину. У ворот лениво курили водители. Ждали. Перешёптывались.

Теперь всё это исчезло.

Дневной свет выровнял краски, погасил блики, лишил двор глубины, превратив вчерашнюю сцену в плоскую декорацию. Пространство заполнили люди в белых комбинезонах — криминалисты, перетаскивающие ящики из недр дома в кузов фургона.

Но одна деталь во дворе не изменилась — алая *Ferrari*.

Она стояла там же, где он её бросил. Но теперь её выверенные линии покрывала тонким слоем роса, превратив яркий глянец в матовый, серебристый силуэт. Грейсон неохотно отвернулся, взглянул на белый контейнер в руках криминалиста и пошёл в дом.

Холл встретил тишиной и запахом. Не тем, что был вчера. Воздух стал холодным, чистым, но с отчётливой примесью металла. Тела не было. На ступенях, у перил и возле тёмного пятна на мраморе остались только жёлтые пластиковые маркеры с цифрами. Кровь за ночь почернела, и теперь казалась просто частью поверхности камня. Криминалист в белом костюме, на ходу стянув маску с лица, приблизился к Тахеде. Она стояла у подножья лестницы и рассматривала таблички.

— Сеньора инспектор.

Тахеда кивнула.

— Коротко.

— Один удар. Под левую лопатку, — техник сверился с планшетом для записей. — В кабинете на втором этаже явные следы борьбы. Тело уже отправили в морг. Орудие убийства изъяли, оно было на месте.

Он сделал паузу, пролистывая отчет.

— В уборной, — он кивнул в сторону коридора, — следы смыва. Мы разобрали сифон под раковиной — внутри обнаружена кровь. Образцы взяли. Отправим на анализ.

Он перелистнул страницу.

— Снаружи, на газоне под балконом — следы приземления. Примята трава, отчётливый отпечаток обуви. Глубокий. Далее следы уходят к ограде.

Грейсон не шевельнулся.

«Сифон».

Значит, в уборной они были. Ну конечно были. Не могли не проверить. Он медленно перевёл взгляд в глубину коридора, куда только что кивнул криминалист.

Дверь. Раковина. Шкаф. Четыре одинаковые коробки на полке.

«Они их открывали».

Он на мгновение задумался.

«Нет».

Если бы нашли — разговор сейчас был бы другим. И в другом месте.

Значит, просто посмотрели. И пошли дальше. Грейсон едва заметно выдохнул. Слишком рано. И только тогда понял — рядом стоит Тахеда. Она смотрела не на лестницу — на него.

— Мистер Грейсон? — её голос прозвучал почти мягко. — Вы выглядите так, будто проводите инвентаризацию.

— Сравниваю с тем, что видел вчера.

— Удаётся?

— Пока — да.

Тахеда на секунду прищурилась.

— Тогда начнём. С самого начала. С того момента, как вы вышли в холл из гостиной.

Она развернулась.

— Пойдёмте.

Тахеда направилась в сторону гостиной. Её шаги по мрамору звучали чётко и сухо. Грейсон пошёл следом. Полтора метра. Она то сокращала дистанцию, то снова её увеличивала. Он держал свой темп, заставляя её саму чувствовать его присутствие за спиной. У лестницы неподвижно замер Моралес. Он бросил короткий взгляд вверх, затем снова перевёл его на маркеры на ступенях.

Гостиная встретила их тишиной. Утренний свет падал на пустые кресла и брошенные бокалы. Воздух здесь казался застоявшимся, пропахшим табачным дымом. Рауль стоял возле

окна, заведя руки за спину и обхватив одну ладонь пальцами другой. Как будто ждал их. Тахеда остановилась посреди комнаты.

Рауль обернулся:

— Сеньора инспектор.

Тахеда кивнула.

— Продолжим, — с нажимом бросила она и повернулась к Грейсону.

— Ваше место?

Грейсон кивнул в сторону угла, где всё ещё стояло глубокое кресло с высокой спинкой.

— Там.

— Вы сидели один?

— Большую часть времени — да.

Тахеда подошла к креслу. Провела пальцем по обивке.

— А когда были не один?

Их взгляды встретились. В тишине гостиной этот контакт ощущался почти физически.

— Общался с гостями.

Он позволил себе короткое, почти небрежное пожатие плечами. Тахеда кивнула, принимая этот ответ как временную константу.

— Дальше.

Она выпрямилась и направилась к открытой двери.

— Вы вышли отсюда?

— Да.

— Покажите.

Грейсон пересёк линию, разделявшую паркет гостиной и мраморный пол холла. Тахеда шла за ним. Моралес всё также неподвижно стоял у подножия лестницы. Рядом с ним — открытый кейс криминалистов. За его спиной двое в белых костюмах выносили последние контейнеры. Он обернулся.

Грейсон приблизился к лестнице. Агент отошёл в сторону, освобождая ему место.

— Здесь? — голос Тахеды прозвучал негромко.

— Да.

— Покажите.

Грейсон посмотрел на лестницу. На тёмное пятно, которое уже не пахло кровью, а лишь старым железом. На жёлтые маркеры с цифрами. Запомнил порядок.

Шагнул вперёд. Остановился у нижней ступени. Медленно опустился на одно колено.

Его правая рука зависла в воздухе. Чуть дольше, чем нужно. Потом пальцы легли на пустое место — туда, где вчера было запястье Варгаса. Он на мгновение задержал их, точно выверяя положение — так, как положил бы, если бы действительно проверял пульс.

Замер.

Грейсон не смотрел на Тахеду. Он смотрел в пространство между ступенями, считая про себя. Один. Два. Три. Как будто действительно ловил ускользающий ритм жизни, которого там уже не было.

Он убрал руку — медленно, без суеты.

— Пульса не было.

Тахеда едва заметно кивнула.

— Дальше.

— Я дёрнулся, — Грейсон поднялся с колена. — Потерял равновесие.

Он на секунду задержал взгляд на пятне крови.

— Чуть не упал. Опёрся о ступень — руки попали в кровь.

Моралес за его спиной слышно сменил позу.

— Пошёл в сторону уборной.

Грейсон заметил Рауля в той же позе часового, застывшего возле двери. Американец двинулся по коридору. Тахеда шла следом. Моралес остался, но Грейсон кожей чувствовал его взгляд, направленный в спину.

Дверь в уборную была приоткрыта. Грейсон остановился. Всего на долю секунды. Толкнул её. Внутри пахло иначе. Чистящим средством. Влажной керамикой. И чем-то едва уловимым, металлическим, не до конца ушедшим. Тахеда вошла следом. Остановилась у раковины. Провела взглядом по глянцевой поверхности, по краю, по хромированному сифону под ней. Тот уже был собран обратно. Но слишком чистый.

— Здесь? — спросила она.

— Да.

Грейсон не смотрел на шкаф. Его взгляд был прикован к раковине.

— Я включил воду.

Он сделал шаг ближе.

— Смыл кровь.

Он взглянул на свои ладони, как будто всё ещё видел на них те красные разводы.

— Потом вымыл руки. Тщательно.

Он поднял взгляд на зеркало. Тахеда не двигалась. Она стояла так близко, что он чувствовал исходящий от неё холод. Она смотрела на его отражение. За её спиной виднелась часть шкафа.

— Долго мыли? — спросила она тихо.

— Несколько секунд.

Тахеда смотрела ему в глаза в отражении. Затем отвела взгляд и медленно повернулась к шкафу. Сделала шаг. Ещё один. Грейсон не сдвинулся с места. Только пальцы сильнее сжались — почти незаметно. Она остановилась у шкафа. Провела по дверцам взглядом. Не касаясь.

— Здесь тоже открывали?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Тахеда чуть склонила голову. Как будто прислушиваясь не к словам — к тому, как они были сказаны. Она ещё раз провела взглядом по дверцам шкафа.

— Понятно.

Развернулась.

— Пойдёмте.

Она вышла первой.

Со стороны холла раскатисто донёлся голос Моралеса:

— Сеньора инспектор.

Шаги Тахеды заметно ускорились. Грейсон пошёл следом. Моралес стоял на том же месте, у подножия лестницы и смотрел в сторону входа в дом.

В холле кое-что изменилось. У входа стояли двое. Женщина — чуть впереди. Мужчина — на полшага позади, как будто пытаясь не мешать. Грейсон замедлил шаг. Она держалась прямо. Лицо — бледное, с темными кругами под глазами. Припухшие веки. Волосы собраны наспех. Пальцы сжаты так, что побелели костяшки. Она не смотрела по сторонам — только на лестницу. На пятно. На жёлтые таблички. Грейсон остановился. И только теперь понял, кого видит.

Тахеда сделала шаг вперёд.

— Пожалуйста. Пройдёмте, — тихо произнесла она, не повышая голоса, но в её тоне не осталось места для отказа.

Женщина на секунду замерла. Как будто не сразу поняла, что от неё хотят. Потом кивнула. Медленно. Мужчина рядом осторожно коснулся её спины и подтолкнул в сторону гостиной.

Грейсон остался на месте ещё на мгновение. Наблюдая. Как они проходят мимо лестницы, женщина на секунду замедляет шаг. Её взгляд снова цепляется за пятно на мраморе. Но она не останавливается. Идёт дальше. Тахеда — рядом. Чуть впереди. Моралес остаётся у лестницы. Как и прежде. Грейсон последовал за ними.

Гостиная встретила их тем же тяжёлым воздухом и запахом табака — чужого вечера, который оборвался слишком резко. Женщина остановилась посреди комнаты, словно не зная, куда себя деть. Мужчина подвёл её к креслу. Она опустилась в него не сразу, сначала коснувшись ладонью спинки. Как будто проверяя, выдержит ли. Потом села. И только тогда позволила себе закрыть глаза. Ненадолго.

Тахеда стояла рядом. Не трогая её. Не вмешиваясь. Давая ей это пространство. Рауль, так и стоявший у двери, привлёк к себе внимание:

— Сеньора инспектор.

Тахеда обернулась.

— Луиса принесёт воду, — он сделал короткую паузу. — И уберёт здесь.

Она кивнула.

— Хорошо.

Рауль исчез в дверном проёме. Через несколько минут со стороны холла послышались шаги. Луиса мягко вошла, держа поднос. На нём — стаканы и графин с водой. Её взгляд на мгновение задержался на женщине в кресле. Она поставила поднос на стол рядом. Начала собирать бокалы, стараясь не создавать лишнего шума. Стекло тихо звякнуло. Один раз. И снова стало тихо.

— Мария... Мне так жаль. — едва шёпотом произнесла Луиса.

Женщина не ответила. Глаза наполнились влагой. Слёзы потекли сразу. Мужчина протянул ей бумажные платки. Рауль и Грейсон молча стояли возле двери. Рука американца скользнула в карман — короткое, почти незаметное движение. Брелок обжёг ладонь Рауля холодом металла. Тот даже не взглянул на него, просто сжал пальцы, пряча тайну в кулаке. Грейсон едва заметно качнул головой в сторону двери.

— Я принесу полотенце, — сказал Рауль. Голос ему показался чужим, слишком официальным.

Пересёк холл. На секунду отметил Моралеса у лестницы — и не сбавляя шага вошёл в гостевую уборную. Сердце в груди начинало ускоряться. Плотно прикрыл за собой дверь, словно отсекая дом. Два шага. Шкаф.

Петли предательски пискнули — слишком громко. Он прислушался. Никто не заметил.

Вторая коробка сверху. Он снял её, поставил на пол. Присел. Открыл крышку. Среди пачек бумажных полотенец он нащупал твёрдый артефакт, завернутый в полотенце. Тяжёлый. Тяжелее, чем ожидал.

Достал его вместе с полотенцем. Не стал разворачивать. Извлёк моток верёвки из кармана. Обвязал его верёвкой — пальцы не слушались, узел выходил корявым, но крепким. Рауль выпрямился. Шагнул на унитаз. Крышка под ногой оказалась скользкой. Чуть не упал. Замер, ухватившись свободной рукой за стену. Удержался. Окно поддалось не сразу, с сухим вздохом. С улицы потянуло влажным воздухом и шумом прибоя. Он просунул свёрток наружу. Начал медленно подавать верёвку. Пальцы скользили. Он сжал их сильнее. На лбу выступил пот. В какой-то момент натяжение ослабло — свёрток коснулся отмостки.

Рауль отпустил свободный конец верёвки, давая ему скользнуть наружу. Он опустился с унитаза и вернулся к коробке. Просунул её на то же место. Второй ряд, тот же угол. Чуть сдвинул — как было. На мгновение задержал взгляд. Ничего не изменилось. Потянулся к верхней полке, подхватил пару чистых полотенец. Закрыл дверцы шкафа. Шагнул к двери, на секунду задержался. Провёл ладонью по лицу. Выдохнул.

И только после этого вышел в коридор. Шаги показались ему слишком громкими. Холл встретил тем же светом и голосами из гостиной. Моралес ждал его на том же месте. Его взгляд был не просто внимательным — он был хирургическим. Он не смотрел на полотенца. Он смотрел на лицо Рауля, на виски, на его дыхание.

— Полотенца, — коротко сказал управляющий, чуть приподняв их в руке.

— Долго, — уронил агент.

Рауль заставил себя пожать плечами.

— Искал, — он чуть склонил голову. — Не сразу нашёл.

Моралес промолчал, но его взгляд продолжал ощупывать лицо управляющего.

Из гостиной донёсся голос мужчины — тихий, сбивчивый, словно подбирающий слова на ходу.

— ...мы были в Кадисе. Нам позвонили уже ночью...

Тахеда отвечала коротко.

— Во сколько именно?

Мужчина на секунду задумался.

— Около часу.

Рауль замедлил шаг. Вошёл в гостиную.

Мария сидела в кресле, сжимая в руках бумажные платки. Она была неподвижна. Глаза были открыты, но взгляд проваливался сквозь мебель, сквозь людей, куда-то перед собой. Как будто мир внезапно потерял глубину. Стал плоским.

Рауль подошел бесшумно. Наклонился.

— Вот, — его голос был едва громче шелеста бумаги.

Мария не шелохнулась. Мужчина рядом взял его из рук Рауля и передал ей.

Она прижала его к лицу. Не чтобы вытереть слёзы, а чтобы отгородиться от реальности этим слоем махрового хлопка.

Разговор за спиной продолжился. Тахеда задавала вопросы — мужчина отвечал.

Голоса текли ровно, без всплесков, превращая трагедию в протокол.

Как будто это ещё не стало реальностью.

Рауль выпрямился. Задержался взглядом на Марии, перевёл взгляд на Тахеду. Затем развернулся и вышел в холл.

В холле он повернул к выходу на улицу.

Моралес проводил его взглядом.

Ничего не сказал.

Дверь мягко закрылась за спиной Рауля, оставляя внутри дома тяжесть бессонной ночи.

Снаружи было намного светлее. И шумнее.

Глухой рокот океана тянулся откуда-то снизу, из-за дома. С пляжа доносились голоса — редкие, обрывочные, заглушаемые прибором.

Свет резал глаза, привыкшие к полумраку гостиной. Солнце уже поднялось. Где-то высоко над кронами пиний и кедров заходились в крике чайки.

Он вдохнул полной грудью. Воздух был влажным, с солёным привкусом.

Помедлив, пошёл вдоль стены. Не спеша. Обогнул угол дома.

Газон встретил его сочной зеленью. Жёлтые полицейские таблички с номерами торчали из травы. Одна — у стены, под балконом второго этажа. Ещё две — дальше, там, где трава была заметно примята.

Рауль замедлил шаг. Возле первой таблички трава была примята сильнее, а земля под ней казалась почти чёрной.

Остановился. Опустил взгляд.

Артефакт лежал на отмостке. Замотанный в полотенце, в утреннем свете выглядел как заурядная ветошь.

Рауль наклонился. Плавно, словно подбирая упавшую ветку. Пальцы коснулись ткани. Он поднял свёрток и вернулся во внутренний двор.

Ferrari стояла там же.

Тонкий слой росы всё ещё лежал на кузове, дрожа в лучах солнца.

Рауль подошел к капоту. Огляделся — во дворе ни души. Белого фургона криминалистов уже не было.

Он нажал кнопку на брелоке. Глухой щелчок замка утонул в шуме приборя. Крышка багажника приподнялась с коротким, едва слышным вздохом пневматики.

Рауль положил свёрток внутрь.

Закрыв багажник. Пальцы на секунду задержались на мокром металле. Холод росы смешался с теплом нарастающего дня.

Осталось вернуть брелок.

Тахеда закрыла папку с хлопком. Этот звук поставил точку.

— На сегодня достаточно, мистер Грейсон. Вы можете ехать. Но оставайтесь в пределах досягаемости. В Кадисе сейчас прекрасный сезон.

Грейсон кивнул.

— Благодарю.

Они вместе вышли на крыльцо.

После полумрака гостинной утренний свет за порогом ударил по глазам. Грейсон на мгновение зажмурился, вдыхая солёный воздух.

Тахеда проводила его до самой машины. Остановилась у переднего крыла *Ferrari*. Её тень легла на алый лак.

— Ваши документы. Они ведь в машине. Верно?

Грейсон кивнул. Он медленно провёл рукой по карману пиджака. Пальцы нащупали лишь пустоту. Он нахмурился, словно только сейчас это заметил. Проверил другой карман. Снова пусто.

Это привлекло внимание Рауля, стоявшего возле кованых ворот.

Он подошёл мягко, похрустывая влажным гравием.

— Мистер Грейсон.

Он протянул руку — ладонью вверх. На ней, поблёскивая на солнце, лежал ключ от *Ferrari*.

— Вы обронили его у входа.

Короткая, звенящая пауза заполнила двор. Грейсон посмотрел на ключ, потом — на Рауля.

— Я увидел его, когда выходил во двор, — добавил Рауль.

Грейсон взял брелок.

— Благодарю.

Тахеда на секунду задержала взгляд на Рауле. Слишком внимательно. Тот просто склонил голову.

— Ваши документы, мистер Грейсон, — с нажимом повторила она.

Грейсон щёлкнул электронным ключом, распахнул дверь, открыл бардачок.

— До распоряжения суда вы не покидаете страну. Паспорт.

Помедлив, она добавила:

— Езжайте, мистер Грейсон, — уголок губ дрогнул — не в улыбке, скорее в отметке, что партия ещё не закончена.

Он не ответил. Отдал ей документы.

Обошёл машину и сел за руль.

Несколько секунд он сидел неподвижно. Видел, как Тахеда и Рауль исчезают в глубине дома. Затем достал из внутреннего кармана пиджака телефон. Пролистал сообщения в поисках нужного абонента. Перед глазами — четыре сообщения.

Сообщение первое:

*Рауль, у меня есть предмет.
Варгас успел передать его мне.
Он не должен попасть к полиции.
Гостевая уборная, первый этаж.
Шкаф, вторая коробка сверху.
Мистер Грейсон.*

Сообщение второе:

*В доме полиция.
Пока не могу.*

Сообщение третье:

*В багажнике.
Удачи.*

Сообщение четвёртое:

*Судно Santa Dolores.
Порт.*

Грейсон удалил сообщения и завёл двигатель. Глухой рык мотора разрезал утренний воздух и на мгновение заглушил даже океан. *Ferrari* мягко тронулась, прокатилась по гравию и вышла за ворота. Грейсон не оборачивался. Вырулил на дорогу и добавил газ — машина резко ускорилась, впиваясь в асфальт. В зеркале заднего вида вилла быстро уменьшалась, теряя форму, превращаясь в светлое пятно среди пиний и кедров. Он смотрел вперёд — только вперёд. Пока всё получилось. Пока.

Позади глухо гудел океан.
В его шуме что-то изменилось.
И он это услышал.

Глава 7

Дорога в Кадис под утренним солнцем казалась выбеленной, почти прозрачной. К девяти часам воздух в Андалусии уже успел напитаться плотным, липким теплом, предвещающим знойный полдень. Середина мая здесь не знала полутонов — весна стремительно перетекала в лето.

Грейсон опустил стекло — в салон ворвался многоголосый гул проснувшейся природы. Жужжание насекомых в придорожной траве сливалось с гомоном птиц. Ветер приносил густые, дурмящие ароматы цветущих цитрусовых и диких трав. Этот мир жил своей размеренной жизнью, совершенно не заботясь о застывшем на вилле *Casa de las Gaviotas* времени и о том, что алое «гран-туризм» увезло с собой.

И всё же чувство беспокойства не покидало. Иногда взгляд соскальзывал в узкий прямоугольник зеркала заднего вида.

Кто это? Серый *Seat*, который держится на дистанции уже пару километров? Или тот побитый фургон, что не решается на обгон? Грейсон намеренно сбросил скорость, пропуская поток, а затем резко прибавил, заставляя мощный двигатель взреветь. Проверка. Серый седан остался позади, скрывшись за поворотом.

В багажнике лежал предмет, смысл которого он не понимал. А это было хуже любого преследования.

Когда шоссе сменилось узкими улочками Кадиса, звуки природы окончательно капитулировали перед рокотом восьмицилиндрового двигателя *Ferrari*. Зажатый между древними стенами домов, этот многоголосый гул стал плотным и утробным. Каменное эхо, многократно усиленное теснотой, заставляло прохожих оборачиваться.

Грейсон чувствовал себя чужаком в этом тесном лабиринте, но именно эта мощь под капотом давала ему призрачное ощущение контроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.